УДК 93/94

ТРИ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА АКУЛИНИНА* (ЧАСТЬ 2)

© А.В. Ганин

Очерк посвящен реконструкции биографии одного из видных деятелей Белого движения на Востоке России генерала И.Г. Акулинина.

Ключевые слова: И.Г. Акулинин, Оренбургское казачье войско, Генеральный штаб, гражданская война.

THREE LIVES OF GENERAL AKULININ (PART 2)

© A.V. Ganin

The sketch represents a biographic research of general Ivan Akulinin as one of the principle personalities of the White movement in the East of Russia.

Key words: I.G. Akulinin, Orenburg Cossack Host, General Staff, Civil War.

Гражданская война

После большевистского переворота Акулинин спешно покинул Петроград, бросив имущество, и приехал в Оренбургское казачье войско (сначала – в родной Верхнеуральск, а затем – в Оренбург), где был избран депутатом второго Войскового круга. При этом в Ставке уже 28 ноября обсуждалось предполагаемое новое назначение Акулинина: «В ближайшем будущем будет объявлено [в] приказе армии и флоту назначение делопроизводителя ГУГШ Генштаба полковника Акулинина на должность [командира] Самаро-Оренбургского[8] казачьего полка. Проведение этого назначения задерживается неснятием с должности нынешнего командира этого полка. На вакантную должность делопроизводителя ГУГШ вместо полк. Акулинина нач[альник] Генштаба избрал и. д. наштадива[9] 2 гвардейской пехотной Генштаба полк. Нолькена…» [40, л. 357].

Цензовое командование полком открывало перед офицером-генштабистом путь к генеральскому чину, но в это время перед Акулининым были уже совсем иные перспективы. Прибыв в Оренбург, полковник Генерального штаба Акулинин вошел в состав Войскового правительства в качестве заместителя председателя и помощника Войскового атамана А.И. Дутова. На этот пост Акулинина 20 декабря 124 голосами из 135 избрал 2-й очередной Войсковой Круг [36, 21 декабря].

История с назначением Акулинина на полк получила странное продолжение уже в 1918 г. В марте 1918 г. о новом назначении Акулинина вели переписку большевистские органы военного управления, причем утверждалось, что якобы летом 1917 г. Акулинин получил в командование один из Оренбургских казачьих полков (что не соответствовало действительности) и только в марте 1918 г. стал помощником атамана Оренбургского войска [43, л. 28].

Большевики и их военные специалисты явно не владели информацией. Так, 29 апреля 1918 г. отдел по устройству и службе войск ГУГШ запрашивал первого генерал-квартирмейстера ГУГШ на предмет возможности зачислить в распоряжение начальника Генерального штаба делопроизводителей отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ Акулинина и Преображенского, ко-

[8] Неточность в документе. Правильно – Самаро-Уфимского полка – наименование 3-го Оренбургского казачьего полка с 1913 г.

[9] Начальника штаба дивизии.

торые ранее не получили назначений по сокращенному штату ГУГШ [43, л. 128]. Более того, 14 мая 1918 г. Акулинин был даже назначен в распоряжение начальника Генерального штаба [42, л. 72]. Между тем, в это время Акулинин вместе с атаманом Дутовым и его небольшим отрядом находился в Тургайских степях, далеко от большевистских центров.

Пришло время от курьезов времен становления органов советского военного управления вернуться в конец 1917 г., где мы оставили нашего героя. Приказом № 1 по Оренбургскому военному округу от 11 декабря 1917 г. объявлялось о создании Оренбургского военного округа, начальником штаба которого назначался полковник Акулинин [45, л. 1]. Вместе с Войсковым правительством и атаманом Дутовым Акулинин в начале 1918 г. перебрался в Верхнеуральск. В конце марта, после того как власть Дутова в городе пала, Акулинин был одним из руководителей неудачного штурма Верхнеуральска. Позднее в числе 240 ближайших сподвижников Дутова он принял участие в Тургайском походе, в ходе которого вожди антибольшевистского движения с небольшим числом сподвижников были вынуждены покинуть войско[10]. Во время похода Акулинин отличился, руководя боем у поселка Бриенский (в Оренбургском войске ряд населенных пунктов был названы в честь мест сражений Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.). Иван Григорьевич сумел на сутки задержать красных в районе Бриенского, выполнил свою боевую задачу, дав возможность Дутову спасти обозы с ранеными и беженцами и эвакуировать их на расстояние двух переходов от места сражения[11]. Уже тогда Акулинин стал, по сути, правой рукой Дутова.

По возвращении из Тургая помощник Войскового атамана Генштаба полковник Акулинин назначается сначала помощником командующего войсками Оренбургского военного округа, а затем (с 19 октября 1918 г.) главным начальником округа [45, л. 538]. Последняя должность совмещалась с должностью главного начальника снабжения армии. В Оренбургском казачьем войске и в военном округе руководящие должности совмещались специально, чтобы избежать многоначалия и возможных недоразумений, а также, чтобы не допустить к власти неказаков («иногородних»)[12].

Полковник И.Г. Акулинин. Лето 1918 г. [Оренбургский казак. Харбин, 1937]

7 августа Акулинин встречал прибывший в Оренбург 1-й Башкирский стрелковый полк. Поздоровавшись с башкирами, Акулинин обратился к ним с небольшой речью: «Казаки и башкиры – старые соседи; они всегда жили дружно. Ныне, соединившись в братском союзе, они выступили против общего врага русской государственности – большевиков, и доведут борьбу с ними до победного конца… Да здравствует вольный Башкурдистан!» [37, 9 августа]. Слова Акулинина были покрыты громким «ура», а полковник Акулинин братски расцеловался с командиром Башкирского полка.

В период 13–29 августа 1918 г. Акулинин был командирован в Самару и Челябинск [14, л. 25 об.] и принял участие в работе предварительного Государственного

[10] Подробнее о Тургайском походе см.: Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 163–172.

[11] В советской историографии бой у Бриенского считался поражением белых [30, с. 53].

[12] Например, Дутов был одновременно Войсковым атаманом и командующим армией, Акулинин – помощником Войскового атамана и главным начальником военного округа, а генерал-майор В.Н. Половников – начальником штаба войска и начальником штаба военного округа.

совещания в Челябинске, возглавляя 23–25 августа делегацию войска [45, л. 327 об.]. В Самаре делегацией Войскового правительства Оренбургского казачьего войска обсуждались непростые вопросы взаимодействия оренбургских частей с Народной армией, урегулировались финансовые проблемы, были проведены переговоры с французским консулом Л. Жано и сделана попытка урегулировать конфликт Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания с атаманом А.И. Дутовым [37, 21 августа].

Акулинин был произведен из полковников в генерал-майоры «за заслуги перед Родиной и войском» постановлением Войскового Круга от 1 октября 1918 г., производство было утверждено главкомом В.Г. Болдыревым [56, л. 1]. Утверждение последовало одним приказом с производством Дутова в генерал-лейтенанты.

Известно расписание работы Акулинина в ноябре 1918 г. 9–10 часов – доклады коменданта Оренбурга, начальника гарнизона, начальника областной милиции, начальника отдела охраны войск; 10–11 часов – прием посетителей по служебным делам; 11–12 часов – прием посетителей по частным делам; 12–13 часов – доклад начальника штаба округа; 13–14 часов – доклады начальников военно-окружных управлений; 14–15 часов – доклады председателей военно-полевых судов и следственных комиссий, юрисконсультов, войскового секретаря, начальников частей; 18–21 час – заседание Войскового правительства, заседание Совета снабжения [37, 1 ноября]. С 26 января 1919 г. Акулинин состоял членом Георгиевской Думы Отдельной Оренбургской армии [55, л. 44].

Акулинин обладал весомыми заслугами перед атаманом А.И. Дутовым. В частности, именно благодаря его распорядительности в декабре 1918 г. удалось предотвратить попытку эсеровского переворота в Оренбурге во главе с полковником Ф.Е. Махиным и башкирским лидером А.-З. Валидовым[13].

Генерал-майор И.Г. Акулинин

Для успокоения начавшегося зимой 1919 г. брожения на фронте в командном составе были проведены некоторые изменения. 19 февраля 1919 г. на заседании Войскового Круга переизбирались члены Войскового правительства. В помощники Дутова от всех округов выдвигалось две кандидатуры: Генштаба генерал-майора Акулинина и Генштаба генерал-лейтенанта Л.П. Тимашева. В результате тайного голосования помощником атамана и, соответственно, главным начальником Оренбургского военного округа на театре военных действий избрали Тимашева[14].

Акулинин был, предположительно, обижен подобным решением и попросил назначения командиром корпуса в Западную армию, однако получил отказ. В качестве еще одного возможного объяснения этого шага он, как выдвиженец Дутова, надеялся возглавить оренбургские казачьи формирования соседней Западной армии, которые Дутову всегда хотелось подчинить себе в пику своим оппонентам из Западной армии – генералам Н.Т. Сукину, С.А. Щепихину и М.В. Ханжину. После неудачи этого замысла Дутов 21 февраля 1919 г. назначил Акулинина командиром II Оренбургского казачьего корпуса своей армии [39, с. 66]. 28 февраля Акулинин сдал

[13] Подробнее см.: Ганин А.В. «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 32–41.

[14] Из 168 депутатов за Акулинина проголосовало лишь 56, за Тимашева – 110, 2 депутата воздержались [39, с. 57].

должность главного начальника округа генералу Тимашеву [16, л. 46]. В этот момент жизненные пути Акулинина и Дутова разошлись.

История создания корпуса достаточно интересна. 16 февраля командир IV Оренбургского армейского корпуса Генштаба генерал-майор В.Н. Шишкин получил телеграмму командующего армией с приказом о сформировании на базе своего соединения нового корпуса в составе 4-й и 5-й Оренбургских казачьих дивизий и о своем назначении командиром этого корпуса. Из штаба IV корпуса была выделена часть офицеров и чиновников на образование кадра штаба нового корпуса. В тот же день эти чины приступили к работе по управлению частями образованного соединения. К исполнению должности начальника штаба был допущен исполняющий должность начальника штаба 4-й Оренбургской казачьей дивизии войсковой старшина Л.И. Тушканов, которому поручалось сформировать управление корпуса. Он так и остался «исполняющим должность» начальника штаба корпуса вплоть до его расформирования.

Войсковой старшина Тушканов прибыл в штаб корпуса только 21 февраля и был на следующий день отправлен командиром корпуса в штаб армии за директивами, вернувшись оттуда вечером 23 февраля. Все это время должность начальника штаба корпуса временно исполнял подполковник В.Н. Шмидт – начальник оперативного отделения штаба, находившийся ранее на той же должности в IV корпусе. Сам командир корпуса генерал-майор Шишкин вступил в должность 19 февраля.

IV Оренбургский армейский корпус выделял из своего состава 4-ю Оренбургскую казачью дивизию (сформирована из казаков 4-го (Челябинского) военного округа [1, с. 158]) и 42-й Троицкий стрелковый полк и должен был сдать новому корпусу свой участок фронта, чтобы срочно, в связи с изменой башкир и глубоким обходом красных на Таналыково – Баймак, выдвигаться на правый фланг армии в район станицы Кизильской [46, л. 92]. Участок был принят корпусом уже 18–19 февраля. Штаб корпуса расположился на станции Кувандык Орской железной дороги.

Первоначально в корпус вошли 19-й, 20-й, 24-й и 25-й Оренбургские казачьи полки (все в составе 4-й Оренбургской казачьей дивизии), 42-й Троицкий стрелковый полк и взвод 12-й Оренбургской казачьей батареи. Боевой состав корпуса был незначителен, даже по меркам гражданской войны и насчитывал тогда: 92 офицера, 544 штыка, 1477 сабель, 28 пулеметов и 2 орудия [52, л. 2]. Для сравнения к моменту расформирования корпуса (конец мая 1919 г.) в нем насчитывалось 450 штыков, 3343 сабли и 5 орудий. Таким образом, численность конницы за время существования корпуса увеличилась в два раза.

При разделе имущества двух корпусов II Оренбургский казачий корпус «не получил ни одного аршина телефонного и телеграфного провода, ввиду чего на установление технической связи надежды не было» [52, л. 2 об.]. Позднее в корпус вошли 21-й, 23-й, 26-й, 28-й Оренбургские казачьи полки (все в составе 5-й Оренбургской казачьей дивизии).

Штаб корпуса сформировался в ходе боевых действий и состоял из четырех человек: начальника штаба, начальника оперативного отделения и двух старших адъютантов по оперативной и разведывательной части, все остальные должности заняты не были. Не было даже писарей. Особенно остро чувствовалась нехватка работников административного и хозяйственного отделений, за которых несли службу те же чины штаба. Фактически структура штаба корпуса и обязанности его чинов напоминали структуру штаба дивизии[15]. Тем не менее, положительным явлением было то, что офицеры штаба, служившие вместе в IV армейском корпусе, были хотя бы знакомы друг с другом, что немаловажно в условиях боевых действий. И хотя штаб формировался в ходе боев, его создание не было полной импровизацией, как, например, это было с армейскими штабами в Русско-японскую войну [2, с. 64–82].

Период боевых действий до середины марта 1919 г. был крайне тяжел для корпуса. Пытаясь сдерживать продвижение крас-

[15] Об особенностях структуры корпусных и дивизионных штабов см.: Зайцов А.А. Служба Генерального штаба. Нью-Йорк, 1961. С. 29–30.

А.И. Дутов, А.В. Колчак, И.Г. Акулинин и архиепископ Мефодий (Герасимов) на банкете в честь Верховного Правителя. Троицк. Февраль 1919 г. Фото из собрания В.Г. Бешенцева

ных на фронте, и, находясь под постоянной угрозой флангового удара с севера, части корпуса были вынуждены отходить в надежный тыл – на станицы 2-го (Верхнеуральского) военного округа. Уже 20 февраля был оставлен Кувандык, а 22 февраля в результате обхода красных корпус потерял всю свою и без того ничтожную артиллерию (2 орудия).

В связи с неудачами и непрерывными боями без отдыха, что было обусловлено отсутствием резервов, небывалые размеры приняло разложение казачьих частей, особенно 24-го и 25-го Оренбургских казачьих полков, которые пришлось отвести в тыл и в середине марта расформировать, передав их личный состав в остальные части 4-й Оренбургской казачьей дивизии [33, с. 74; 52, л. 5 об.]. Кроме того, в бою 25 февраля у Мамбетова 2-й сотней 28-го Оренбургского казачьего полка при отступлении были брошены пики – тревожный признак для казачьей части, свидетельствующий о моральном разложении. В тот же день в бою у поселка Орловский в качестве разведчиков и, главным образом, агитаторов красных действовали недавно перешедшие к ним казаки станицы Никольской, а следовавшие за ними красные атаковали казаков, находясь в нетрезвом состоянии [52, л. 6 об.]. На следующий день имел место случай перехода к красным 91 казака 25-го полка с двумя прапорщиками (!) и пулеметом. Из-за разложения некоторых полков значительная часть казачьих командиров, вплоть до начальников боевых участков, находилась в полной растерянности, усугубляла положение противоречивость разведсводок и отсутствие технической связи.

Перед отъездом в корпус генерал Акулинин, не рассчитывая на оренбуржцев, запрашивал штаб соседней Западной армии: «Я через два дня уезжаю на фронт командовать 2 казачьим корпусом, от которого, кажется, остались одни обрывки полков и сотен, не найдется ли у вас хорошей роты, с помощью которой я мог бы привести корпус в порядок?» [53, л. 209].

В этой обстановке 8 марта 1919 г. Акулинин принял командование корпусом. Генерал Шишкин получил назначение на должность управляющего Оренбургской губернией, а позднее уехал в Омск, где занимался вопросами обеспечения армии конским составом. Уже через день части корпуса перешли в наступление на одном из участков, захватив помимо пленных, лошадей и оружия, еще и секретный опера-

тивный приказ по 24-й Симбирской Железной стрелковой дивизии красных, а также, что было особенно важно, телефонный, два телеграфных аппарата и 12 катушек провода. Нельзя не отметить, что вести боевые действия И.Г. Акулинину пришлось в тех же местах, что и почти год назад во время Тургайского похода.

18 марта, после необходимой перегруппировки, войска корпуса перешли в наступление, развивавшееся с переменным успехом. В ходе боев офицеры корпуса, показывая пример казакам, лично водили части в атаку. Вследствие этого потери среди офицеров были велики: геройски погиб командир дивизиона 23-го Оренбургского казачьего полка хорунжий Г.Т. Холодилин, ранены войсковые старшины И.П. Зуев и В.М. Альметьев, полковник А.Н. Ушаков[16]. Сам командир корпуса неоднократно находился на передовом наблюдательном пункте, а начальник штаба корпуса войсковой старшина Л.И. Тушканов лично водил войска в атаку [52, л. 9 –18 об.].

18 марта был расформирован 23-й Оренбургский казачий полк, а 28 марта 1919 г. приказом войскам Отдельной Оренбургской армии № 189 расформировывалась 5-я Оренбургская казачья дивизия с передачей 21-го Оренбургского казачьего полка во 2-ю Оренбургскую казачью дивизию I Оренбургского казачьего корпуса, а 26-го и 28-го полков, личного состава и имущества дивизии – в 4-ю Оренбургскую казачью дивизию.

Несмотря на это ослабление, части корпуса продолжали наступать. Продвижению корпуса способствовали успехи на фронте Западной армии. Вместе с тем, значительную сложность представляла собой координация действий казачьих частей и соединений [48, л. 136]. Так, в ходе боев за хутор Тереклинский 1 апреля в штаб 1-й Оренбургской казачьей дивизии I Оренбургского казачьего корпуса был направлен обер-квартирмейстер штаба II корпуса подполковник В.Н. Шмидт с предложением оказать поддержку частям своего корпуса.

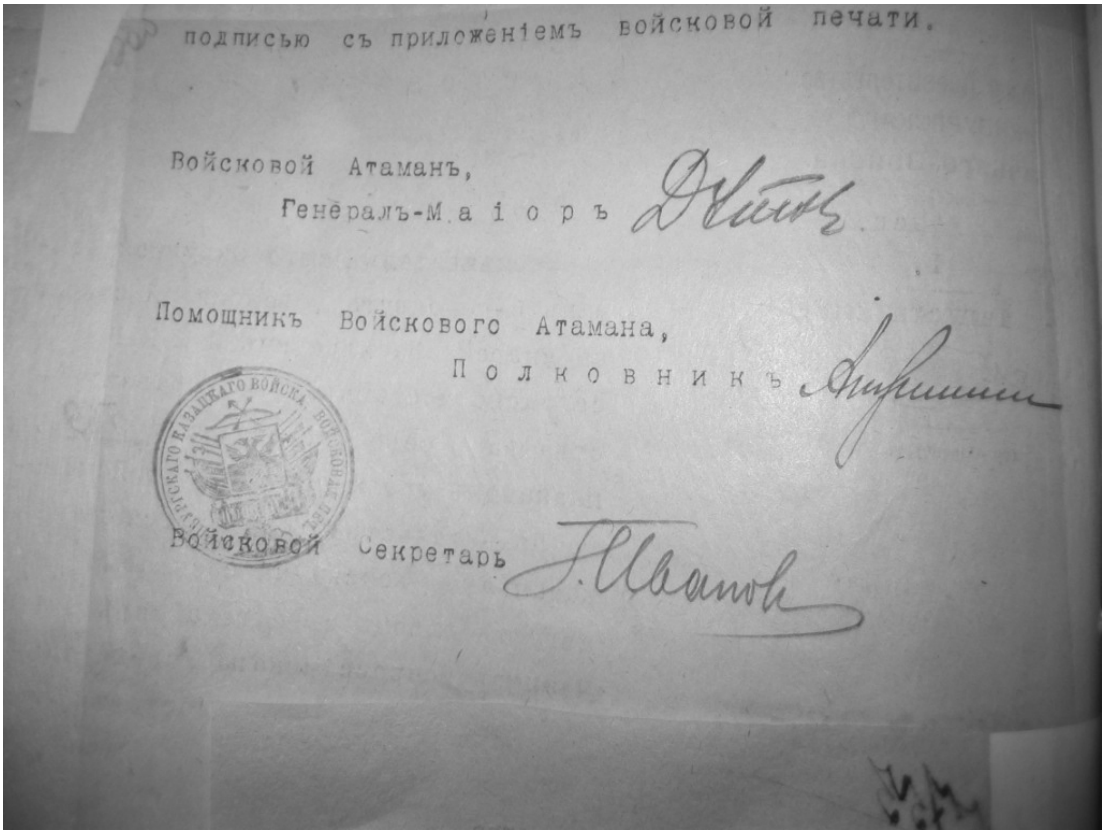
Начальник дивизии генерал-майор Л.Н. Доможиров отказал в поддержке, сославшись на отсутствие соответствующих указаний из штаба I корпуса и опасность быть отрезанным от своей базы при переходе реки Урал. В итоге 2 апреля пришлось оставить недавно занятую станицу Таналыцкая, 4 апреля под обстрел красных попал штаб II корпуса, причем был ранен штабной топограф, 4 казака и 5 лошадей.

Неудачи красных на других участках фронта явились причиной их дальнейшего поспешного отступления на Оренбург и Актюбинск при незначительном сопротивлении [35, с. 144–145]. Их наступление по казачьим землям на Верхнеуральск, Троицк, Челябинск не удалось, зерновые районы 3-го и 4-го военных округов Оренбургского казачьего войска остались за казаками.

6 апреля белыми была вновь занята станица Таналыцкая, 9 апреля штаб корпуса получил сведения о занятии частями 2-й Оренбургской казачьей дивизии Орска и частями IV Оренбургского армейского корпуса Кананикольского завода. Получив эти сведения, генерал Акулинин приказал частям корпуса занять Преображенский завод и станцию Сары, что было выполнено 10–11 апреля. Постепенно освобождались от красных станицы 1-го военного округа, а 15 апреля была с боем взята станция Кувандык. В среднем, скорость движения частей корпуса с 9 апреля составила 60–70 верст в сутки, казакам необходимо было достичь Оренбурга до полного разлива рек [3, с. 117].

Преследуя красных (общая численность на этом участке фронта не менее 32 000 штыков и сабель [28, с. 206]), I и II Оренбургские казачьи корпуса Отдельной Оренбургской армии и IV Оренбургский армейский корпус Южной группы Западной армии к 20-м числам апреля 1919 г. подошли к Оренбургу с юго-востока, востока и северо-востока соответственно. Из разведсводок поступали сведения о возможном оставлении города красными без боя [51, л. 87]. Так, в разведсводке II Оренбургского казачьего корпуса к 4 часам 19 апреля сообщалось, что «по последним сведениям из Оренбурга усиленно эвакуируются

[16] Об этих и других оренбургских казачьих офицерах подробнее см.: Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007.


подписью съ приложеніемъ войсковой печати.

Войсковой Атаманъ,
Генералъ-Маіоръ

Помощникъ Войскового Атамана,
Полковникъ

Войсковой Секретарь

Автографы А.И. Дутова, И.Г. Акулинина. Войсковая печать Оренбургского войска ГАОО. Публикуется впервые

рабочие с семьями, хотя многие очень высказываются против эвакуации и на этой почве происходят недоразумения. В ж[елезно]д[орожных] мастерских машины разобраны, частью уже выве[зены], частью приготов[лены] к отправке. По последним донесениям, требующим все-таки проверки, у красных есть приказ отсрочить эвакуацию на 10 дней» [51, л. 88–88 об.]. Боевая работа частей корпуса проходила в крайне тяжелых условиях. К удивлению и возмущению Акулинина местные жители «особенной радости по поводу своего избавления «от ига большевиков»… при нашем вступлении в поселки и станицы не выражали. Скорее видно было безразличное отношение. А в некоторых станицах жители не прочь были даже все «пропажи» и убытки, причиненные им большевиками, возложить на нас… особенно сердечного отношения со стороны «родных станичников» к казачьим частям наблюдать не приходилось» [23, с. 307–308].

Положение населения красного Оренбурга было непростым. Согласно развед-сводкам II Оренбургского казачьего корпуса в конце апреля в Оренбурге красными было расстреляно не менее 207 человек [51, л. 98]. Массовые расстрелы были проведены и в начале мая в казачьем предместье Оренбурга – Форштадте [51, л. 133 об.]. Имели место случаи изнасилования казачек, в том числе и тех, мужья которых служили в частях Отдельной Оренбургской армии [51, л. 39 об., 47, 163]. Фиксировались случаи насильственных реквизиций [51, л. 47, 163]. По показаниям пленных красноармейцев, если бы комиссары не применяли «силу оружия», то все мобилизованные разошлись бы по домам [51, л. 42 об.], как способ уклонения от военной службы среди красноармейцев широко распространились самострелы [51, л. 50 об.]. Получили распространение и переходы на сторону казаков.

Тогда же генерал Акулинин пришел к убеждению, что необходимо взять Оренбург, не дав красным возможности опомниться. 17 апреля он отдал оперативный приказ № 9 (б) о занятии Оренбурга к Светлой Заутрене – 23 часам 50 минутам 19 апреля и о сборе всех частей на пасхальную молитву вокруг войскового собора [49,

л. 16–16 об.]. Войскам предстояла упорная борьба за город.

Оренбургская операция стала первой и последней крупной боевой операцией в жизни Акулинина. План генерала сводился к следующему. Наступать на город части корпуса должны были тремя колоннами при наличии сильного маневренного резерва, который должен был произвести стремительный налет на Оренбург и выбить красных из войсковой столицы. В приказе Акулинина было заранее размечено расположение частей в самом городе после его освобождения [49, л. 16–17].

Оренбургская группа 1-й армии красных под командованием М.Д. Великанова (комиссар А.А. Коростелев), которая должна была оборонять город, насчитывала к началу операции, по разным подсчетам, от 8,6 до 11,3 тысячи штыков и сабель, 11 орудий, 84 пулемета, два бронеавтомобиля и два бронепоезда, бомбометы, траншейные 37-мм скорострельные орудия системы Маклена [12, с. 69, 73; 24, с. 407; 51, л. 180; 52, л. 30 об.]. В состав группы входили: 224-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии, 277-й Орский стрелковый полк и кавалерийские части 31-й Туркестанской стрелковой дивизии, а также рабочие полки, сформированные в самом Оренбурге (210-й, 211-й и 216-й и формировавшиеся 217-й и 218-й). Каждый из этих полков насчитывал в своих рядах от 1000 до 1200 бойцов. Бронетехники у наступавших на город белых корпусов не было, а, кроме того, применение техники красными оказывало на белых сильное моральное воздействие.

Казачьи корпуса не обладали достаточным превосходством в силах для прорыва обороны красных и почти не имели пехоты (кстати, красные испытывали такую же проблему с конницей), а I Оренбургский казачий корпус генерал-лейтенанта Г.П. Жукова вел боевые действия одновременно на два фронта, наступая на оренбургском и ташкентском направлениях. Таким образом, белым под Оренбургом приходилось рассчитывать лишь на внезапность в действиях, инициативность и храбрость личного состава. Как оказалось, для взятия города этого было недостаточно.

19 апреля, в день наступления II корпуса, произошло следующее. Части корпуса, в соответствии с приказом генерала Акулинина, перешли в наступление. Но из-за форсированного марша казачья артиллерия отстала, войскам пришлось наступать без артиллерийской поддержки, не подоспела к месту сражения из-за недостатка подвод и пехота (42-й Троицкий стрелковый полк). Первоначально наметившийся успех казачьих частей развить не удалось, так как на помощь красным по железной дороге подошел подвижной состав, приспособленный для стрельбы из пулеметов, а также пушечный бронепоезд. Вечером того же дня две роты прибывшего наконец 42-го Троицкого стрелкового полка, состоявшие из мобилизованных солдат Кустанайского уезда, распропагандированных большевиками, перешли на сторону красных и открыли огонь по своим. На тех участках, где наступали казаки, по воспоминаниям Акулинина, «со стороны противника появлялись белые флаги и раздавались крики: «сдаемся» – но когда казаки прекращали стрельбу и подходили к окопам, оттуда по ним открывали пулеметный и ружейный огонь. В результате вся операция была сорвана» [3, с. 119]. Истинные причины неудачи заключались в слабости казачьих формирований, несогласованности наступления и недооценке противника.

Начавшийся разлив рек и отсутствие средств связи и авиации не позволили белым согласовать свои действия, и красные получили возможность атаковать их по частям, действуя по внутренним операционным линиям. К северо-востоку от Оренбурга при впадении р. Салмыш в р. Сакмара потерпел неудачу IV Оренбургский армейский корпус генерал-майора А.С. Бакича[17]. Первый штурм города войсками Акулинина также оказался неудачным. 21 апреля часть стрелков 42-го полка вновь перешла к красным. Также поступили и две роты 7-го Хвалынского стрелкового полка [52, л. 20 об.].

Тем не менее разведсводки продолжали приносить благоприятные для белых извес-

[17] Подробнее см.: Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 71-81.

тия. В сводке от 26 апреля отмечалось, что «Оренбург почти совершенно эвакуирован, в зданиях, где были казенные учреждения, в настоящее время окна, двери раскрыты и никого не видно. Красноармейцев на частных квартирах нет, всех свели по казармам. Большое движение в Оренбурге, бывшее, благодаря свозу красными на вокзал всякого рода имущества, теперь прекратилось» [51, л. 109–109 об.].

Пока значительные силы красных были задействованы севернее города, отражая натиск Бакича, на южных и восточных подступах к Оренбургу успешно продвигались вперед I и II казачьи корпуса. На 27 и 28 апреля Акулинин наметил еще один рывок к Оренбургу. 29 апреля I корпус генерала Г.П. Жукова на какое-то время овладел Меновым Двором в 5 километрах к югу от Оренбурга и начал артобстрел города. Бои шли за единственный в районе железнодорожный мост через Урал, который в этот решающий момент красным удалось удержать. Тогда части I корпуса атаковали тылы красных западнее города. Здесь в конце апреля началось восстание казачьих станиц по рекам Урал и Илек. Совместными действиями повстанцев, а также и уральских и оренбургских казачьих частей в начале мая был взят Илецкий городок. По некоторым данным, командующий 1-й советской армией Г.Д. Гай настаивал на сдаче Оренбурга, но М.В. Фрунзе, стоявший во главе Южной группы армий Восточного фронта, потребовал принятия более энергичных мер по обороне города [30, с. 132].

Приведя части в порядок, Акулинин вновь бросил их на город. Но опять успеха не добился. После этого поражения генерал решил дождаться подхода других корпусов. В результате боев мая 1919 г., по оценке советского историка Лисовского, «белым удалось добиться некоторого успеха лишь на левом фланге 2-го корпуса [генерала Акулинина]» [30, с. 135].

Об отчаянной храбрости Акулинина писали белые газеты [64]. К слову сказать, при выезде Акулинина на передовую во время майских боев была убита лошадь из его коляски. Конец апреля и первая поло-

Штаб II Оренбургского казачьего корпуса в период наступления на Оренбург
В центре – командир корпуса генерал И.Г. Акулинин. 1919 г.
Снимок обнаружен и идентифицирован А.В. Ганиным в 2011 г. в собрании Музея русской культуры в Сан-Франциско. В оригинальном качестве публикуется впервые

вина мая прошли в затяжных боях. Отчаявшись взять Оренбург с налета, генерал Акулинин 3 мая предложил командиру I корпуса свой план методического наступления на Оренбург, суть которого заключалась в нанесении красным «последовательных коротких решительных ударов» [49, л. 21], которые чередовались бы через день проведением усиленной разведки. Так, 4, 6 и 7 мая войска должны были наступать, а 5 и 8 мая – вести разведку. Наступление должно было завершиться совместной атакой Оренбурга 9 мая.

Однако из-за плохой связи командир I корпуса, находившийся в Илецкой Защите (в 100 верстах от штаба II корпуса), своевременно не получил приказ с планом наступления, и 4 мая красных атаковали лишь части II корпуса. В ночь с 4 на 5 мая ударили морозы. Сильный ветер не утихал всю ночь. А к утру вода в лужах и оврагах покрылась тонким слоем льда и выпал снег. В частях II Оренбургского казачьего корпуса, ночевавших в поле, заболело много офицеров и нижних чинов, которые вместо шинелей носили китайские ватные куртки, из которых в теплый период многие бойцы повыдергивали вату [52, л. 25]. Наступление пришлось отменить. Между тем в соседнем корпусе ничего не знали об отмене наступления и действовали по предложенному плану. Таким образом, никакой координации действий корпусов не сложилось.

Лишь 10 мая, после приведения войск в порядок и получения необходимых боеприпасов, началось общее наступление двух казачьих корпусов. Только 10 мая корпус Акулинина потерял 23 нижних чина убитыми, 8 офицеров и 99 нижних чинов ранеными, 1 офицера и 2 нижних чинов контуженными и 2 нижних чинов без вести пропавшими [52, л. 27]. По меркам Гражданской войны это были ощутимые потери. В результате боя белые овладели высотами у хуторов Лысов – Зыков, за которые долгое время шли бои. Акулинин лично подгонял цепи и совершал обходы при помощи корпусного маневренного резерва. 12 мая белые ненадолго овладели станицей Нежинской.

Бои шли на ближних подступах к Оренбургу – всего в 3–4 километрах от города. В целях упрочения обороны Оренбурга красные провели репрессии [51, л. 98] и мобилизовали жителей города на рытье окопов и установку проволочных заграждений. На участке II корпуса им пришлось отступить с большими потерями, а на участке I корпуса наступление казаков захлебнулось. Это была одна из последних попыток решительного штурма города казаками.

Надо признать, в этот период Акулинин сделал все, что было в его силах. Единственное, что он так и не предпринял – не решался вводить в бой всю имевшуюся у него конницу, включая резервы. Как мне представляется, в начале операции это могло бы привести к успеху. Таким образом, сильной ударной группы у белых под

Увеличенный фрагмент с И.Г. Акулининым

Оренбургом не было.

Управляя войсками, Акулинин активно применял обходы, охваты при выделении сильного маневренного резерва (до 3 конных полков). По мере возможности, он организовывал конные атаки во фланг наступавшей пехоте противника, которые, как правило, были успешны и давали много зарубленных, пленных и трофеев. Управление войсками генерал часто осуществлял, лично находясь на передовой, а также через рассылавшихся по цепям офицеров штаба.

Генерал Акулинин, обращаясь к войскам, писал 5 мая 1919 г.: «Советская власть все еще держит в когтях I-й округ; красные звери продолжают терзать наши верхние и низовые станицы; хулиганские банды грабят наше, годами нажитое, добро; насмехаются над нашими, веками освещенными, порядками; оскверняют наши святыни; держат в смертельном страхе наши семейства; творят кровавую расправу над лучшими сынами Войска… Многострадальный I-й округ молит, взывает к нам о помощи, об избавлении от произвола и насилий красных комиссаров, и нам надо спешить с помощью; а чтобы подать эту помощь, прежде всего – **Мы должны взять Оренбург** (выделено И.Г. Акулининым. – А.Г.)» [3, с. 186].

Вскоре в Оренбург по прямому указанию В.И. Ленина [29, с. 141] были переброшены дополнительные силы, при этом группировка красных к концу мая выросла в 1,5 раза от первоначального состава. Подавляющим стало и техническое превосходство красных, у которых появились аэростаты. В этих условиях казакам становилось все труднее рассчитывать на овладение городом. Вместе с тем, в ходе майских боев они значительно приблизились к Оренбургу с юга и востока, в условиях отсутствия пехоты стали применять спешивание, дававшее, правда, значительно меньше живой силы, т. к. часть казаков должна была находиться при лошадях. 18 мая Акулинин провел совещание начальников дивизий и их начальников штабов. Обстановка была тяжелой. Левый фланг красных был надежно прикрыт бронепоездом и артиллерией, с которыми казаки не могли ничего поделать. Единственный вариант – удар по правому флангу противника. По обсуждении этого вопроса на 20 мая была намечена конная атака на правый фланг красных у реки Урал силами одной бригады 1-й Оренбургской казачьей дивизии. Акулинин рассчитывал на поддержку корпуса Жукова, однако таковая оказана не была.

Атака была отложена до 21 мая. Но в этот день казаки 28-го полка начали братание с красными, полк для предотвращения дальнейшего разложения пришлось отвести в тыл. Сосед слева – генерал Жуков – так и не оказал поддержки Акулинину. Сосед справа – IV корпус генерала Бакича – был переброшен на реку Белая (между корпусами образовался значительный разрыв). В запасе корпуса оставалось только 12 000 патронов, тогда как следующая партия ожидалась не ранее 10 июня. В виду всего вышеперечисленного Акулинин решил временно отказаться от активных действий.

Однако 23 мая был издан приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака № 181/оп о переформировании Отдельной Оренбургской армии и Южной группы Западной армии в Южную армию под командованием Генерального штаба генерал-майора П.А. Белова. В прощальном приказе по армии атаман А.И. Дутов выразил благодарность Акулинину, «который в короткий срок своего командования сумел влить в войска наступательный дух и энергию» [55, л. 398 об.].

Реорганизация сил белых в разгар боев за Оренбург вызвала нарекания, главным образом, со стороны казачьих начальников, так как новое объединение уже не было казачьим в своей основе [3, с. 129–130, 144]. При этом реорганизация привела к более равномерному распределению пеших и конных частей по фронту.

Новая армия должна была ударом по линии Оренбург – Бузулук – Самара остановить наступление красных против Западной армии. 24 мая казаки I Оренбургского казачьего корпуса вновь взяли Меновой Двор, Карачи и обстреляли железнодорожный мост через Урал [54, л. 204]. Фактически они уже были на окраинах города. Решающее наступление на Оренбург, после переформирования, предполагалось начать

в июле [20, л. 5]. Но момент был упущен, и стратегическая инициатива перешла к большевикам. В июле Южная армия практически не предпринимала активных действий в отношении Оренбурга, хотя рейды казачьей конницы по тылам красных, в особенности с целью разрушения железной дороги Оренбург – Бузулук (единственной транспортной артерии блокированной в Оренбурге группы красных), могли иметь успех. А уже в августе 1919 г. в ходе Актюбинской операции казаки были вынуждены отойти от города, расставшись с надеждой вернуть казачью столицу.

Основными причинами неудачи совместной оренбургской наступательной операции казачьих и армейских частей можно назвать нехватку технических средств; отсутствие устойчивой связи между корпусами и, как следствие, несогласованность в действиях; безынициативность командного состава, недостаточное для прорыва обороны превосходство в силах; отсутствие свежих резервов для развития успеха; сильное переутомление войск; недостаточное количество пехоты, необходимой для штурма города (особенно в казачьих корпусах), а также острую нехватку боеприпасов. Даже части этих причин достаточно, чтобы сделать штурм города невозможным. На что рассчитывали белые стратеги при таких условиях?! – непонятно.

С образованием Южной армии части корпуса Акулинина были переданы в I Оренбургский казачий корпус, а сам генерал получил назначение в Омск на должность начальника штаба Походного атамана всех казачьих войск А.И. Дутова. Ранее, в начале мая, Акулинин получил телеграмму о том, что он предназначается на должность начальника штаба в оперативный отдел (? – слово в телеграмме пропущено. – А.Г.) при Верховном главнокомандующем [48, л. 160]. Прощаясь с войсками, Акулинин отметил, что «в работе корпуса были и ошибки. Ошибались все, начиная с меня. Но смущаться этим не следует. Не ошибается только тот, кто ничего не делает» [50, л. 7 об.].

17 июня 1919 г. генерал выступил на заседании Войскового Круга в Троицке и доложил «о доблести и духе… бывших у него в подчинении частей» [39, с. 476]. После доклада Круг постановил вынести Акулинину благодарность за «доблестное дело, которое совершил доблестный генерал Акулинин с вверенными ему частями по изгнанию коварного врага со священной земли Оренбургского войска…» [39, с. 476–477]. Круг провожал Акулинина шумными аплодисментами.

В Омске Акулинин пробыл менее месяца. Он вернулся в Троицк уже 9 июля, причем в районе станицы Еманжелинской в ночь на 9 июля едва не стал жертвой крушения поезда. Вагон Акулинина и две воинских теплушки чудом уцелели, тогда как остальной состав был разбит, пострадало не менее 100 человек. На вопрос журналиста о том, какое впечатление на него произвел Омск, Акулинин ответил: «В последний раз я был в Омске во время японской войны; тогда он прошел для меня незаметным; не было того контраста, как теперь. Жизнь в Омске сейчас бурлит; сам город небольшой, но благоустроенный и кажется, что он всего этого движения, шума, беготни, автомобилей и проч. не может переварить, все это как будто свалилось на Омск, и он не может вместить в себя широкого размаха новой жизни» [34, с. 2].

12 июля Акулинин был назначен командующим I Оренбургским казачьим корпусом взамен переведенного на тыловую должность генерал-лейтенанта Г.П. Жукова [57, л. 226][18]. Акулинину теперь фактически были подчинены все казачьи части бывшей Отдельной Оренбургской армии. Акулинина заботила идея широкой пропаганды в войсках и населении. По прибытии к месту нового назначения сразу же пришлось столкнуться с непростой военной обстановкой. Вверенный ему корпус должен был сдерживать натиск противника по обоим берегам Урала между Орской и Ташкентской железными дорогами.

Генерал С.А. Щепихин вспоминал об Акулинине: «Об этом персонаже Южной армии придется сказать очень немного.

[18] Генерал-лейтенант Жуков был отозван в тыл, вероятно, из-за проявленного бездействия: в течение июня и июля 1919 г. его корпус пассивно стоял под Оренбургом [3, с. 130].

Акулинин, Генер[ального] штаба – являлся креатурой Дутова и, конечно, совершенно и без остатка его личность поглощалась авторитетом атамана.

Здесь двух мнений не может быть.

Храбрый лично, но весьма недалекий; с большим аппетитом к карьере, не считаясь со своими способностями.

Весьма импозантного вида (почему-то с кавказской саблей в серебре?!), представительный – он много терял, когда раскрывал рот и начинал вслед за этим действовать.

В Южную армию он попал по приказу (и протекции) Дутова, который находил несвоевременным появляться среди своих станичников в столь двусмысленный период, могущий скомпрометировать имя славного атамана.

В жертву был принесен Акулинин, с радостью ухватившийся за новое амплуа. В своих деяниях среди казаков Акулинин долго копировал своего патрона, но, видимо, без тех результатов, что атаману всегда почти сопутствовали.

Наконец, ему надоело «нянчиться» со станичниками, он их прижал, а они, не привыкшие за время Дутова к столь энергичным мерам, открыто взбунтовались и Акулинин едва не погиб – так же бестолково, как и руководил» [22, л. 50 об.].

Щепихину блестяще удавалось порочить людей, которых он лично не знал. Столь резкая оценка касалась одного из лучших офицеров-генштабистов колчаковской армии. Небезынтересно, что основной текст воспоминаний Щепихина противоречит этой специально написанной характеристике и рисует положительный образ Акулинина.

По мнению Щепихина, «Южная армия со дня ее сформирования считалась у Ставки во втором разряде, а потому не только снабжение натурой было плохо организовано (приходилось изыскивать собственными средствами), но не было в достаточном количестве денежных знаков» [22, л. 16].

В состав корпуса Акулинина входила отдельная Оренбургская казачья пластунская дивизия (около 1200 штыков, 1500 шашек, 5 орудий), выставленная заслоном в Туркестан и обеспечивавшая тыл частей, блокировавших Оренбург. В течение июня 1919 г. дивизии удалось разгромить части красных на этом направлении и продвинуться к Мугоджарским горам. Продолжая преследование противника, дивизия перешла через Мугоджары и достигла станции Челкар, продвинувшись более чем на 200 верст.

Однако на этом преследование красных почти на месяц было приостановлено в связи с бунтом во 2-м Оренбургском казачьем пластунском полку, распропагандированном красными. Командир полка капитан Козин, чтобы избежать самосуда, застрелился. Высланные на усмирение войска отказались действовать против своих. Лишь приезд членов Войскового правительства и начальника дивизии успокоил полк.

Со второй половины июля наступление оренбургских пластунов продолжилось. Красные, получив месяц отдыха, заметно усилились, укрепившись в районе Челкара. Тем не менее, в тяжелом двухдневном бою они потерпели поражение и отступили. Преследование было возложено на 1-й Оренбургский казачий линейный полк, поскольку для перевозки пластунов не хватало паровозов [20, л. 7]. Этот полк, пройдя более 200 верст по песчаной и безводной местности, к началу августа 1919 г. достиг станции Аральское море. Двигаться дальше из-за отсутствия поездов, разрушений железной дороги и водокачек, а также в связи с большими потерями и нежеланием распропагандированных казаков воевать, было невозможно. Между тем, 8 августа в лагере красных произошел мятеж, чем можно было бы воспользоваться для наступления.

Успех в Туркестане не был использован под Оренбургом, где активных действий белые в этот период не предпринимали. Между тем, отступление основных сил белого Восточного фронта приняло поспешный характер, связь с ними уже в начале августа была потеряна, и ситуация день ото дня усугублялась.

Командующий Южной армией Генштаба генерал-майор П.А. Белов под впечатлением успехов оренбургских пластунов первоначально выработал план отвода войск на зиму в Туркестан. Специально для

этого был сформирован Туркестанский стрелковый корпус (Оренбургская казачья пластунская дивизия[19], Туркестанская стрелковая дивизия[20], железнодорожный батальон, бронепоезд, авиаотряд (2 аэроплана)) общей численностью 2300 штыков и 1600 шашек при 5 орудиях под командованием молодого офицера полковника Л.Д. Василенко, окончившего подготовительный курс 1-й очереди Николаевской военной академии.

Не закончив формирование, Туркестанская стрелковая дивизия была брошена на фронт во второй половине августа. Лишь к 20 августа удалось восстановить железнодорожный путь и водокачки. В то же время Оренбургская казачья пластунская дивизия вела наступление на станцию Аральское море, сильно укрепленную красными окопами полного профиля, замаскированными волчьими ямами, блиндажами, проволочными заграждениями и расположенную между морем и безводной пустыней.

Для содействия операции была предпринята попытка привлечь уральских казаков («уходцев»), живших на Амударье и южном берегу Аральского моря, – в тылу красных. В районе станции Саксаульская шло сосредоточение казачьих и стрелковых частей, артиллерии и авиации.

Первоначально генерал Акулинин поддержал идею отхода в Туркестан, однако вскоре он и командующий V Стерлитамакским армейским корпусом генерал-майор А.В. Элерц-Усов высказались за отход на запад, в Уральскую область. Позднее Белов стал настаивать на дальнейшем отступлении на восток, в Сибирь. Этот путь пролегал по безводной и пустынной территории, труднопреодолимой для войск, не имевших достаточного количества провианта.

По мнению генерала С.А. Щепихина, Белов не имел твердого продуманного плана, тогда как Акулинин «наоборот, выстрадал, выносил определенный, исходящий из обстановки план: казаки будут драться, во-первых, только на своей земле и оставить станицы решатся только при наличии ясной надежды на скорое возвращение; во-вторых, будут драться тоже только на своей земле при наличии и других частей неказачьих, чтобы была картина общего с кем-то фронта, не было чувства одиночества. Это отвратительное чувство, чувство брошенности оренбур[ж]цы пережили очень ярко на заре Гражданской войны со своим атаманом Дутовым. Так как этот период закончился несчастно, неудачей, то казачья психология после этого всегда была особенно чувствительна к одиночеству. Тем паче, что с ними не было атамана, который, как никак, умел их вдохновлять на подвиг. Акулинин храбрый, разумный, но совершенно непопулярный генерал. Он это отлично учел. Но он знал, что при соблюдении, наличии двух указанных условий (общий фронт и свои станицы) ему удастся кое-что сделать и быть может даже, при удаче, окончательно выбросить большевиков за пределы войска» [22, л. 16 об.].

Но генерал Белов придерживался своего плана. По свидетельству генерала К.Я. Гоппера, он в течение двух недель не мог определиться с дальнейшими действиями [13, с. 143–144]. За время переговоров деморализовался V корпус, и Элерц-Усов с остатками своих войск был вынужден уйти на восток, туда же ушли и некоторые части I Оренбургского казачьего корпуса, даже не предупредив своего командира генерала Акулинина.

В конце августа фронт Южной армии был прорван красными в районе Орска. Северная группа Южной армии стала отходить в Сибирь. Южная группа после падения Орска отступила к Актюбинску, далее отходя на юг вдоль линии Ташкентской железной дороги, с целью уйти в Туркестан [4, с. 129].

Положение белых становилась все более серьезным. Казаки, направленные для прорыва в Туркестан, начали беспокоиться за свои семьи, т. к. по поступавшим известиям становилось ясно, что территория войска постепенно переходит к красным. Пластуны потребовали отправки их на се-

[19] В составе 1-го и 2-го Оренбургских казачьих пластунских полков, 1-го Оренбургского казачьего Линейного полка, отдельного Оренбургского казачьего дивизиона, 2-й Оренбургской казачьей пластунской батареи.

[20] В составе 1-го, 2-го и 3-го Туркестанских стрелковых полков и 42-го Троицкого стрелкового полка.

вер для защиты родных станиц. Делегаты от уральцев – «уходцев», стоя на коленях со слезами на глазах, просили бунтовщиков прийти к ним на помощь [20, л. 11].

Белым необходимо было во что бы то ни стало прорваться в районе Аральского моря. 28 августа со станции Саксаульская был направлен обходной отряд на верблюдах и лошадях (пластуны и третья сотня 1-го Линейного полка – 200 штыков и 300 шашек) для обхода станции Аральское море с востока и юга.

30 августа начали наступление и главные силы, взявшие в этот день станцию Конту и разъезды № 85 и № 86. На рассвете 31 августа начался штурм, красные открыли ураганный огонь из 25 орудий. К 18 часам белым с огромными потерями удалось овладеть окраиной станции Аральское море, но все резервы были израсходованы и подошедшими силами красных белые были выбиты. Ситуация усугублялась страшной жарой и жаждой. Действия красных поддерживались с моря аральской военной флотилией (пароход, 2 моторных судна, 2 катера, 2 баржи, 3 парусных лодки). Бои 1 сентября также были безуспешными, более того, часть солдат 42-го Троицкого стрелкового полка перешла к красным, а прочие части самовольно ушли с позиций. Не получив поддержки белых, захлебнулось начавшееся 24 августа восстание уральцев – «уходцев», живших в Приаралье [59, с. 238].

Тем временем 30 августа красные взяли Орск, 2 сентября в результате конного рейда 3-й кавалерийской дивизии они овладели Актюбинском, Южная армия оказалась заблокированной вдоль линии Ташкентской железной дороги между Актюбинском на севере и Аральским морем на юге. Части XI Яицкого и I Оренбургского казачьего корпусов, а также 5-й дивизии IV Оренбургского армейского корпуса отступали от Актюбинска по линии железной дороги на юг к станции Эмба. V Стрелитамакский армейский корпус отходил на форт Карабутак.

На станции Конту собирались беспорядочные толпы солдат и пластунов. Фронт держали лишь казаки 1-го Линейного полка и пулеметная команда 2-го пластунского полка. Деморализованные части были отведены на станцию Саксаульская. На следующий день отряд был усилен 1-м Туркестанским стрелковым полком, батальонами 42-го Троицкого полка, бронепоездом и 6-дюймовым орудием. Поступил приказ 4 сентября перейти в наступление, однако вскоре он был отменен командующим армией.

Армия агонизировала, хотя многие части еще держались. Характерный эпизод привел в своих мемуарах генерал Щепихин: «С тяжелым сердцем выехал от полка. На дороге, в отдельном двухэтажном доме, помещался трактир, наполненный казаками. Слышались песни, указывающие, что казаки веселились. Дорогу моей машине загородил высокий старик в шароварах с голубым лампасом. «Стой, стой, генерал! Посошок!» и потянул мне стакан с водкой. Я вспылил, замахнулся на него стеком. Старик отпрянул и вслед мне пустил ругательство. Казаки гоготали. Эта картина меня покоробила и навела на грустные размышления» [22, л. 15].

Прекращение подвоза продовольствия и фуража (паровозы использовались для перевозки войск) переполнило чашу терпения и без того морально неустойчивых частей. Казаки 2-го Оренбургского казачьего пластунского полка 4 сентября арестовали своих офицеров и, захватив все паровозы, самовольно уехали в Челкар и далее на север, всюду разрушая телеграфную линию, ушел с позиций и 1-й Линейный полк (вместе с офицерами и обозом казаки по долине реки Эмба ушли на соединение с уральцами). На следующий день, перебив часть своих офицеров, ушел к красным 1-й Туркестанский стрелковый полк. 5–6 сентября с полным вооружением сдалась большая часть 42-го Троицкого стрелкового полка и железнодорожный батальон, который разрушил путь. Фронт держали лишь 1-й Оренбургский казачий пластунский полк, пластунская батарея и остатки 42-го полка (всего около 500 человек при 4 орудиях). Только 9 сентября войска, расположившиеся на станции Тугуз, получили продовольствие и боеприпасы. 10 сентября эти части со станции Джилан отошли на восток. Прорыв в Туркестан, который в случае успеха

мог дать белым шанс или хотя бы отсрочку поражения, закончился полным крахом.

Крах этот был не случаен, поскольку, как отмечал генерал К.Я. Гоппер, все командование генерала Белова «представляется мне целой системой бесцельного перебрасывания войсковых частей, утомительными и бессмысленными походами, уничтожавшими в конце концов эти части» [13, с. 148].

В начале сентября началась как массовая сдача в плен красным (не менее 30 000 человек), так и где-то организованное, где-то стихийное отступление частей Южной армии на запад и на восток от железной дороги. К 12 сентября Ташкентская железная дорога была покинута последними частями этой армии. На следующий день в 14.35 на станции Мугоджарская произошло соединение войск Туркестанской республики и советского центра. Территория Оренбургского казачьего войска была навсегда оставлена белыми, однако часть оренбуржцев не сложила оружие.

Как заявил 22 сентября 1919 г. в своем докладе представитель Актюбинского фронта И.Ф. Казарин, в ходе последнего наступления красных «все казачьи станицы были освобождены, и теперь уже все гнезда контрреволюции разнесены в пух и прах (Аплодисменты). Это выкорчевывание, эта чистка, которая произошла во время движения нашей Центральной армии, дает нам возможность сказать, что данное соединение не будет носить временный характер, а продолжительный, и навряд ли контрреволюция поднимет там еще свою голову… только тогда, когда они (казаки. – А.Г.) докажут свою лояльность, они получат разрешение вернуться домой, теперь же пожалуйте в центр России, и оттуда они будут разосланы во все концы, но ни в коем случае не будут отпущены в свои станицы. Туда придут верные советские крестьяне и будут обрабатывать землю (Аплодисменты)» [26, с. 75].

Те, кого подобная перспектива не устраивала, продолжали упорную, но уже безнадежную борьбу. С остатками своего корпуса Акулинин вышел в район города Темир и станции Джурун в казахских степях. Не имевшие достаточных запасов продовольствия части подверглись быстрому разложению. Казаки поодиночке и даже целыми группами уходили к красным или разбредались по степи в поисках пищи и крова.

По некоторым данным, оставшиеся казаки замитинговали и собирались даже идти к красным, захватив в качестве искупительной жертвы самого генерала Акулинина. Каким образом Акулинину удалось спастись, – неизвестно. Однако вскоре вокруг него на станции Джурун объединились помимо оставшихся казаков из его корпуса еще около 500 человек офицеров и нижних чинов разных частей, решивших идти к уральцам. Историк Уральского казачьего войска хорунжий Л.Л. Масянов писал, что «это были, главным образом, тыловые части» [32, с. 134]. Решение генерала Акулинина отступать на запад, а не на восток, куда отходила большая часть войск Южной армии, было нарушением приказа командующего (впрочем, тогда ни один из командиров корпусов не подчинился Белову, действия которого вели к гибели армии) и объяснялось успехами войск А.И. Деникина, а также надеждой на скорое соединение с ними уральских казаков. Впоследствии сам Акулинин вспоминал: «Большинство офицеров и крепких духом солдат, соединясь в отряды, двинулись – одни на восток, другие на запад; первые догонять армии Верховного Правителя, а вторые – переправиться через Каспийское море к ген[ералу] Деникину» [4, с. 129]. 9 сентября 1919 г. войска Акулинина выступили вдоль реки Сагиз в направлении на укрепление Уил, куда прибыли к 22 сентября. По дороге часть казаков разбежалась, и до Уила дошло около 2000 человек.

Итак, в начале сентября 1919 г. остатки I Оренбургского казачьего корпуса Южной армии с линии Ташкентской железной дороги отступили на запад – на соединение с уральскими казаками. I Оренбургский казачий корпус вошел в состав Уральской Отдельной армии [4, с. 129]. Акулинин полагал, что после разгрома оренбуржцев основной удар красные нанесут по уральцам, поэтому он решил прикрыть в районе Уила правый фланг Уральской армии со стороны Ташкентской железной дороги, откуда

ожидалось наступление красных. К тому же уильский район являлся единственным источником зерна для уральцев. В целях поддержания боевого духа генерал Акулинин организовал издание корпусной газеты «Военный вестник», излагавшей радиосообщения, принимавшиеся радиостанцией корпуса. Сведения о победах Деникина поднимали боевой дух частей. Генерал Акулинин обращал особое внимание на агитацию среди казаков, его авторству принадлежит несколько воззваний к ним. Обращения Акулинина были, во многом, наивными, особенно в отношении верности прежним союзникам по Антанте, идеалистического восприятия казаков, слепой веры в то, что они непременно должны быть в антибольшевистском лагере и демонизации красных. Разумеется, такой кустарный подход к пропаганде мало что менял, особенно в сравнении с валом агитационных материалов, выпускавшихся красными. Тем не менее, внимание к этому вопросу говорит о понимании Акулининым природы Гражданской войны, в которой многое зависело от пропаганды.

Особое положение тыловых частей, ушедших с Акулининым, порождало трения с командующим Уральской армией генерал-майором В.С. Толстовым, имевшим, к тому же, сложный конфликтный характер и пребывавшим в ссоре со многими своими сподвижниками [32, с. 140]. Генерала Акулинина удивляло нежелание уральского командования использовать «несколько хорошо налаженных тыловых организаций, обслуживавших Южную армию и Оренбургское войско… Но уральское командование ни одной из этих организаций не воспользовалось, предпочитая работать исключительно со своими людьми и своими кустарными способами» [4, с. 134]. Критическое отношение к Толстову сохранялось у Акулинина и позднее. Даже в 1939 г. Акулинин писал генералу С.В. Денисову о мемуарах Толстова, с которым состоял в переписке: «Книга ген. Толстова… у меня была, но ее тоже кто-то зачитал из друзей. Книга в литературном отношении из рук вон плоха, составлена очень плохо и события освещает пристрастно, но в ней много фактического материала» [6]. Впрочем, подобную оценку воспоминаний Толстова давали и другие.

Относительно использования оренбургских тыловых частей генерал Толстов якобы заявлял, что «ему нужны солдаты, а не тыловые учреждения» [32, с. 134]. Примерно в том же ключе высказывался начальник штаба Отдельной Уральской армии Генштаба генерал-майор В.И. Моторный: «Прибывшие же в армию после разгрома Белова остатки оренбургских казаков как боевой элемент никуда не годились. Они были расположены по полкам в тылу, где занимались грабежом, вызывая нарекания и жалобы уральских стариков» [41, л. 123 об.]. К сожалению, проверить обоснованность этого обвинения не представляется возможным.

6 октября 1919 г. Акулинин сумел отправить донесение начальнику штаба Верховного главнокомандующего, в котором подробно описал ход последних событий: «После неудачных для Южной армии боев под Орском и Актюбинском большая часть 1 Оренб[ургского] каз[ачьего] корпуса разложилась.

Большинство казаков ушло к красным, часть рассеялась по степям и аулам, но часть осталась на своих местах. Наибольшему разложению подверглись 2 и 4 дивизии, отступившие к п. Романовскому; лучше других сохранилась 1 дивизия, выведенная к г. Темиру.

Командарм Южной вначале предполагал идти с армией в сторону Ташкента, но после срыва Орско-Актюбинской операции и неуспешности наступления на Казалинск, приказал корпусам отходить на восток.

Лично я был всегда сторонником Атбасарского направления.

После отступления Сибирской и Западной армий к востоку от Уральских гор, после потери Челябинска, я считал настоятельно необходимым для выравнивания фронта и связи с базой отвести Южную Армию на восток.

Об этом я еще до начала Орско-Актюбинской операции посылал Командарму Южной телеграмму, в которой указывал на невозможность базирования и отвода армии в голодный и занятый противником Туркестан.

Однако время для сравнительно благополучного отхода Южной Армии на восток было упущено. К моменту получения Приказа Командарма об отходе на восток корпусов, как войсковых единиц, уже не существовало. Были лишь штабы, остатки полков, батарей, которые самостоятельно двинулись частью на восток, частью на запад, главной массой на север – в сторону красных.

По прибытии на ст. Джурун я пытался увидеться и переговорить с начдивами 2 и 4, но они спешно выехали на Иргиз. Их дивизии к 8 Сентября представляли бесформенные митингующие массы, перемешанные с обозами и частями 5 и 11 корпусов. Привести их в порядок оказалось непосильным и главная их масса ушла к красным.

На ст. Джурун около штакора[21] сгруппировалось около 400 офицеров и казаков, оставшихся верными присяге и долгу. Однако среди них создалось определенное настроение – идти к уральцам. Начдив 1 при свидании со мной доложил, что его казаки на восток не пойдут и для успокоения их просил как можно скорее отвести к уральцам.

Вследствие беспорядка и ухода к красным обозов – ни запасов продовольствия, ни транспортов, ни времени на их заготовку у нас не было, и пускаться с войсковыми частями в длинный путь на восток без хлеба, без муки и без фуража было рискованно. С упадком в войсках дисциплины трудно было рассчитывать привести к Атбасару, хотя бы небольшие части.

Учитывая эти обстоятельства и непреклонное желание казаков и офицеров идти к уральцам, я решил с наиболее организованными остатками своего корпуса идти на Уил для совместных действий с уральцами на их правом фланге, о чем и послал донесение командарму Южной со ст. Изембет 10 сентября за № 1-63.

Были и еще причины, ради которых я пошел на Уил.

В то время я полагал, что после разгрома Южной армии красные обрушатся всеми свободными силами на уральцев, чтобы покончить с Уральской армией и установить единый красный фронт.

На восток пошли начдивы 2 и 4 казачьих, Войсковое правительство Оренбургского войска, там находился Войсковой атаман, окружные атаманы – следовательно там было кому работать по организации нового восстания казаков и по формированию новых частей, тогда как здесь, на западе, с моим уходом на восток из крупных и известных казакам начальствующих лиц никого не оставалось.

Надеясь, что отрезвление среди казаков настанет быстро, учитывая по примеру прошлого года возможность восстания линейных станиц, я находил, что для пользы общего дела выгоднее хотя бы с небольшой организованной войсковой частью держаться ближе к станицам 1 округа.

В район г. Уила я прибыл 17 сентября. Из остатков 7, 8, 14, 16, 19, 21, 26 и 1 линейного полков, 4 и 12 батарей я образовал три группы. Первую – под командой полковника Смирнова, которая в настоящее время выдвинута в сторону Илецкой Защиты; вторую – под командой в[ойскового] ст[аршины] Керенцева[22], которая выслана из г. Уила на восток для прикрытия путей со стороны Актюбинска и Темира; третья группа под командой есаула Крылова оставлена в г. Уиле в качестве резерва.

За сокращением штатов штабов и управлений корпуса сформирована Офи-

[21] Штаба корпуса – телеграфное сокращение.

[22] Возможно, Керенцев Алексей Иванович (19.05.1877–?) – из станицы Нижнеозерной 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье училище по 1 разряду. На службе с 19.05.1907. Войсковой старшина (с 26.07.1918). Участник Первой мировой войны в 11-м Оренбургском казачьем полку. Командир 3-й сотни стрелкового дивизиона Оренбургской казачьей дивизии (прикомандирован с 26.01.1916), начальник Кинделинского отряда (1918). Помощник старшего адъютанта строевого отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба Оренбургского военного округа (с 22.09.1918). В общем отделе управления генерал-квартирмейстера штаба Оренбургского военного округа (10.1918). Начальник общего отдела штаба Юго-Западной армии (с 23.10.1918). Признан негодным к строевой службе. Назначен начальником обозной команды при французском отряде полковника Пишона (16.02.1919). Назначен в распоряжение командира II Оренбургского казачьего корпуса (14.03.1919).

церская сотня под командой полковника Наумова[23].

Из остатков 34 Ашкадарского и 37 Миасскаго горных стрелков полков, прибывших в г. Уил из г. Темира, образован особый отряд под командой подполковника Заваруева[24].

Из партизанского отряда в[ойскового] ст[аршины] Ершова[25], к которому пристало много казаков 1 линейного полка и беглецов (от красных) из станиц, сформирован 2-й линейный полк, который направлен в ст. Линевскую для поднятия восстания в линейных станицах, расположенных к западу от Илецкой Защиты по правому берегу Илека.

Корпус в данную минуту насчитывает 2000 человек и коней. Есть надежда, что вскоре среди Оренбургских казаков снова начнется отрезвление, и силы корпуса увеличатся притоком беглецов из станиц. Тем более, что красные от перебежчиков-казаков отобрали все: лошадей, седла и обмундирование; до 33-х летнего возраста объявили мобилизацию; всех не желающих стать в ряды красной армии сажают в тюрьмы; многих расстреляли.

С[о] своей стороны для возвращения перебежчиков и поднятия восстания я принимаю все меры: посланы депутаты, налажена устная и письменная агитация; при штакоре издается газета, пишутся воззвания.

По прибытии в г. Уил я выезжал для доклада в Калмыков в штарм[26] Уральской. На днях в г. Уил и в район группы п[олковника] Смирнова приезжал генерал Толстов для ознакомления с частями корпуса на месте.

Корпус приказом командарма Уральской включен в состав Уральской армии и зачислен при ней на все виды довольствия.

Корпусу поставлена задача – прикрывать правый фланг Уральской армии и содействовать ее наступлению.

Положение Уральской армии устойчивое.

За последнее время уральцы нанесли красным ряд чувствительных поражений и очистили часть своей территории. Наиболее сильный удар был нанесен 25 красной дивизии под Лбищенском. Фронт Уральской армии тянется приблизительно по линии: Сухореченская (в 20 вер[стах] юго-восточнее Илецкого Городка) – Ново-Георгиевский – Федоровский – Покатиловский – Янайкинская – Богатинский – Чижинский 2-й – Сломихинская и далее на юг

---

[23] Среди оренбургских офицеров было несколько человек с таким чином и фамилией. Возможно, имеется в виду Наумов Владимир Матвеевич (06.07.1874–?) – из казаков станицы. Пречистенской 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское 3-классное городское училище и Оренбургское казачье юнкерское училище по 2 разряду. На службе с 19.06.1892. Полк. (с 26.08.1918). Участник Русско-японской войны. В Лейб-гвардии Сводно-казачьем полку (1909). Помощник командира 1 Оренбургского казачьего полка (с 07.06.1917). В распоряжении Войскового начальства Оренбургского казачьего войска (на 08.1918). Назначен командиром 1-го пластунского Оренбургского казачьего полка (04.09.1918). Зачислен в резерв чинов штаба Оренбургского военного округа (с 27.01.1919).

[24] Заваруев Александр – подпоручик (на 1918). Подполковник (с 1919). Комендант штаба обороны Оренбургского казачьего войска, назначен комендантом Оренбурга (25.06.1918). Уволен (с 23.01.1919). Комендант Оренбургского укрепрайона (1918). Комендант штаба Отдельной Оренбургской армии (1919). Начальник эвакуации Троицка (03.1919). Откомандирован в распоряжение Походного атамана всех казачьих войск, на сформирование его штаба (31.05.1919).

[25] Ершов Евгений Васильевич (1890–?) – из станицы Изобильной 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Ташкентскую мужскую гимназию и Оренбургское казачье училище по 2 разряду. На службе с 1912. Войсковой старшина (за отличие в боях с большевиками – с 22.10.1918). Участник Первой мировой войны в 13 Оренбургском казачьем полку. Командир 1 сотни 4-го Оренбургского казачьего полка (11.1916), участник подавления туркестанского. восстания 1916 г. Весной 1918 командовал конницей в бою при уничтожении отряда С.М. Цвилинга, позже командовал партизанским отрядом. Командир 1 Линейного казачьего полка. Командир 8-го Оренбургского казачьего полка (1918). Награжден Георгиевским оружием и французским орденом Почетного легиона. После Гражданской войны – счетовод в Ирбите. Воспитатель детского дома им. Парижской Коммуны в Ирбите (1923–1924). Уволен за ношение креста. Переехал в Соль-Илецк к матери. Жил в Зилаире (Башкирия), работал счетоводом в лесхозе. Весной 1928 арестован, доставлен в Оренбург и осужден (08.10.1928) на 10 лет по статьям 58–10–13 УК РСФСР. Вернулся в 1934, побывал у сына в Москве. Репрессирован в 1930–е гг. Реабилитирован 05.10.1992.

[26] Штаб армии – телеграфное сокращение.

к Каспийскому морю на половине расстояния между Гурьевом и Астраханью.

После победы над Южной армией, командование красных часть сил продвинуло в Туркестан, а часть из Актюбинска переброшена обратно в сторону Оренбурга – очевидно против уральцев и на фронт генерала Деникина.

Разведкой установлено, что в районе Темира, Актюбинска и Илецкой Защиты также оставлены какие-то части. Со стороны трех указанных пунктов в сторону г. Уила и вообще против правого фланга Уральской армии планомерного наступления со стороны красных пока не обнаружено; лишь в поселках по р. Хобде появились отдельные партии, насаждающие в селах и аулах советскую власть и производящие реквизиции хлеба, скота, лошадей и седел.

С пополнением частей корпуса и окончательным их приведением в порядок я приступлю к активным действиям в сторону Илецкой Защиты.

Ходатайствую отдать в приказе о включении 1 Оренб[ургского] каз[ачьего] корпуса в состав Уральской армии.

При первой возможности будет послано более подробное донесение» [47, л. 1–1 об.].

Во время пребывания в Уиле Акулинин сумел достичь договоренности с казахским правительством т. н. уильского олията (Западной Алаш-Орды[27]) о совместных действиях против большевиков в случае их наступления на Уил. По распоряжению генерала Акулинина казахам было выдано недостающее у них оружие и патроны. Казахи хорошо знали степь и могли оказать поддержку казакам при ведении разведки.

Противник высоко оценивал деятельность Акулинина. Так, красный командир Н.Я. Блюм, служивший в 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии, вспоминал: «Проскользнувший при взятии нами Актюбинска известный генерал Акулинин (командир I Оренбургского казачьего корпуса) оказался в укр[еплении] Уил, которое находится за большими непроходимыми для войск сыпучими песками в 220 верстах юго-западнее ст. Джуруна, нашего месторасположения. Избрав своей главной квартирой удобный для него во всех отношениях Уил, генерал Акулинин сосредотачивал здесь остатки своего казачьего корпуса и разбитой Южной армии и главное: формировал офицерские отряды из несдавшегося нам офицерства. Поддерживая тесную связь с Уральской армией генерала Толстого (здесь и далее – так в тексте, правильно – Толстова. – А.Г.), он ожидал удобный момент, чтобы возобновлять свои действия в этом направлении. Пользуясь поддержкой генералов Толстого и Акутина, Акулинин представлял собою внушительного противника, что не сразу учло наше высшее командование. Положение его упрочилось еще тем, что там же в Уиле находилось новое, покровительствуемое им, Киргизское правительство во главе с Дос-Мухамедовым. При содействии этого правительства производилась мобилизация киргиз и формирование особых киргизских Алаш-Ордынских отрядов. 8 октября 1919 года спешно был организован отряд в составе 13 и 14 кавполков (1 бригады 3-й Туркавдивизии) и одного батальона 3-го стрелкового Татарского полка, которому была поставлена задача с налета взять Уилское укрепление и ликвидировать находящегося там противника. Чтобы сохранить подвижность, артиллерия отряду придана не была. 10 октября с рассветом этот отряд выступил из гор. Темира (180 верст сев.-вост. Уила). В виду того, что Уилское укрепление представляло собою совершенно недоступное «орлиное гнездо» и ближайшая до него дорога вела через совершенно ненаселенную, пустынную степь, с трудно проходимыми сыпучими песками, было решено двигаться через ряд русских поселений на поселок Бегалинский (он же Пре-

[27] Уильский олият (олейят) – Западное отделение казахского временного народного совета Алаш-Орды. Образовано в мае 1918 г. в поселке Джамбейта Уральской области. В состав олията вошли братья Д. и Х. Досмухамедовы, Б. Кулманов (от Букеевской Орды) и старейшины основных родов Младшего жуза. Контролировало территорию Букеевской орды, Мангышлакского уезда Закаспийской области, Актюбинского уезда Тургайской области. В 1919 г. перебралось в Уил и затем Кызыл-Кугу. В декабре 1919 г. начало тайных переговоров с советскими представителями. С установлением в регионе советской власти в марте 1920 г. распущено на условиях амнистии его членов.

ображенский), который находится от г. Темира в 180 верстах, – в таком же расстоянии, как Уил. От поселка Бегалинского до Уила оставалось еще 90 верст прямо на юг, но по хорошей дороге с достаточным количеством источников сладкой, годной для питья, воды.

Встречая на своем пути только мелкие разведывательные части противника, поздно вечером 14 октября отряд пришел в пос. Бегалинский и страшно измученные тяжелым песчаным путем части отряда расположились на ночлег. Названный поселок состоял всего навсего из 80 дворов, а в нашем отряде насчитывалось около 950 бойцов – 640 кавалеристов и 310 стрелков. Расквартирование было достаточно тесное, а это вполне соответствовало боевой обстановке. Стрелковый батальон занял южную и восточную часть поселка, 13-й кавполк – северную, а 14-й кавполк – западную. Телефонная связь установлена не была. Охранение на ночь состояло из отдельных полевых караулов. Дежурные эскадроны и дежурные пулеметные взводы были в обоих полках и располагались в крайних хатах в непосредственной близости своих полевых караулов. В виду близости противника лошади расседлывались по очереди. Население поселка, измученное «Киргизским правительством» Дос-Мухамедова и реквизициями генерала Акулинина, имевшее свой маленький повстанческий отряд, встретило нас самым радостным образом. Уставшие люди, после сытного угощения гостеприимных хозяев, заснули мертвым сном. Ночью пошел сильный дождь; темнота еще усилилась и в теплых хатах поселка, при нашей физической усталости, было как-то особенно уютно и хорошо. Навряд ли нам спалось бы так сладко и спокойно, если бы мы знали, что в это время творится в нашей непосредственной близости, под самым поселком. Узнав о нашем движении, генерал Акулинин выслал нам навстречу Миасско-Ашкадарский офицерский отряд с тремя сотнями казаков, под общим командованием известного дутовского жандарма, полковника Заваруева. Отряду была поставлена задача неожиданно напасть на нас и «уничтожить в полном составе» (подлинные слова его приказа). Противник еще вечером подошел вплотную к поселку, а ночью, когда пошел холодный осенний дождь, наверное в поисках приюта, залег в глубоком овраге на южной и юго-восточной окраине поселка в расстоянии действительного ружейного выстрела от линии полевых караулов нашего стрелкового батальона. Деликатный противник, не беспокоивший нас в уютном поселке во время сна, находясь в ночной темноте под проливным холодным дождем, наверное чувствовал себя менее приятно. Но его терпение не заставило нас удивляться. Удивлялись мы тому, что он вместо того, чтобы пытаться возможно ближе подойти к поселку без стрельбы и как можно неожиданнее и скорее ворваться в таковой... вместо этого, как только стало рассветать, так карауливший нас противник открыл бешеный ружейный и пулеметный огонь по мирно спящему поселению. На правом фланге стреляющей из оврага цепи находились две, а на левом — одна сотня казаков в конном строю. После открытия стрельбы эти сотни двинулись вперед, наверное с целью обойти поселок. Но за ночь от сильного дождя, который теперь уже перестал, глинистая почва так промякла, что лошади вязли в землю по колени, и быстрое движение вне дорог было совершенно невозможно. Противник был уверен, что его действия и неожиданная, сильная стрельба, несомненно вызовут у нас панику, а потому и не торопился. Исключительная способность, не теряясь, быстро выскочить по тревоге, всегда присущая частям 3 Тур[кестанской] кавдивизии, и на этот раз спасла нас от верной гибели. Командиры дежурных эскадронов и стрелкового батальона сразу же угадали, какая страшная опасность грозит всей бригаде. Они быстро по тревоге подняли и собрали свои части и вовремя встретили противника за поселком контратакою. Овладев частью южной и частью юго-восточной окраин, промокшие от дождя и уставшие «господа офицеры» снова перешли в атаку, но и на этот раз были отбиты, полуодетыми, но зато прекрасно отдохнувшими, нашими татарами. Терпя большие потери от убийственного огня противника, наши спешенные кавалеристы (двух дежурных эскадронов) и стрелки-

татары держались с удивительным мужеством и храбростью. Геройский начальник пулеметной команды 24 кавполка тов. Грязнов, увидев критическое положение наших обороняющихся стрелков, сумел быстро поставить два прекрасно работающих пулемета «Максима» на чердак высокого дома, и самый убийственный огонь их во фланг противника сразу же облегчил наше положение перед фронтом. В это время 3 эскадрона 13 кавполка в конном строю атаковали две сотни, прикрывавшие правый фланг офицерского отряда. Не желая принять атаки, казаки повернули «повзводно налево кругом», но было уже поздно. На уставших и измотанных лошадях они уйти не могли и были быстро настигнуты и зарублены нашими орлами. Нечто подобное случилось и с той сотней, которая находилась на левом фланге неприятеля. Разница только времени. В то время, когда 14 кавполк собирался по тревоге, эта сотня в лаве подходила к деревне с западной стороны и намеревалась ворваться в ту часть поселка, где были расположены наши обозы, и где, конечно, по весьма естественным причинам, творилась ужасная неразбериха и паника. Несколько казаков уже «работало» в нашем обозе, а сотня была уже готова ворваться, когда не собравшиеся полностью два эскадрона этого полка, неожиданно для противника, прямо со сборного места, с оврага бросились на него и в несколько минут изрубили всех, – без остатка. Офицерский отряд начал отступать уже тогда, когда повернули две сотни их правого фланга. Сперва отступление велось медленно и в полном порядке. Огонь не уменьшался, и мы терпели большие потери. Но когда 13, а затем и 14 кавполки начали обходить их фланги и, заходить в тыл, тогда у них началась ужасная паника. Отряд неприятеля перестал оказывать сопротивление и, бросая все, даже оружие, побежал в совершенном беспорядке. Но стремление его убежать потерпело полную неудачу. Размякшая от дождя почва как будто бы притягивала бегущих к себе и сколько они ни бежали, а расстояние не увеличивалось. Оба кавполка отрезали все пути отступления и рубили одиночных людей и мелкие партии почти без всякого сопротивления. Только более крупные партии офицеров оказывали упорнейшее сопротивление. Настигнутые нами, они отбивались, составляя так называемое каре. При атаке одного из каре численностью около полуроты, был убит геройский командир 13 кавполка тов. Михайлов. Его смерть так озлобила наших красноармейцев, что они с удвоенной энергией преследовали бегущего противника до тех пор, пока не был изрублен весь его отряд. Офицеры сопротивлялись до последнего момента и были случаи, когда, не желая сдаваться, они расстреливали друг друга. Из всего отряда, состоявшего из 600 офицеров и 300 казаков, ушел только сам Заваруев, ускакавший еще в начале боя. Пленных было: 1 офицер и 23 солдата. Наши потери были небольшие: 18 человек убитыми и 38 ранеными, но среди убитых нам всем дорогой командир 13 кавполка тов. Михайлов.

Описанным мною боем не закончилась наша боевая деятельность в пустынной киргизской степи. Взять Уилское укрепление «с налета» нам не удалось, и мы целый месяц скитались и мучились в неуютных и в высшей степени грязных киргизских аулах, пока нам уже при содействии остальных двух батальонов 3-го стрелкового Татарского полка и двух батарей 14 ноября 1919 года, в день, указанный высшим командованием, удалось взять богатое Уилское укрепление» [9, с. 145–149].

Свидетельство Блюма показывает, что Акулинин с остатками своих сил предпринимал активные действия против красных, несмотря на сложность обстановки, изолированность от внешнего мира и явное превосходство противника. Красный мемуарист отметил, что, несмотря на успех кавалерийского боя под Бегалинским, отряд так и не смог выполнить поставленную задачу – занять Уил, который был взят только через месяц.

Интересно, что на одно из воззваний Акулинина от 1 октября 1919 г. отреагировал сам командующий войсками советского Туркестанского фронта М.В. Фрунзе. В том воззвании Акулинин опрометчиво писал: «В то время, как Добровольческая армия генерала Деникина, поддержанная доблестными английскими друзьями деньгами и снаряжением, громит советские войска и,

забрав Чернигов, Орел, Воронеж, подошла к Москве; в то время как лихая конница генерала Мамонтова, забравшись в тыл красных, громит города, железные дороги и уничтожает инженерные и интендантские склады; в то время как доблестные войска генерала Юденича совместно с английским флотом взяли Гатчину и не сегодня – завтра возьмут Петроград… – в это самое время оренбургские казаки, забыв долг и присягу, с предательским кличем: «Долой войну» бросаются в объятия красных, думая спасти свою шкуру. Ошибутся предатели, не пройдет и месяца, как советская власть будет низвергнута…» [60, с. 181].

По истечении установленного Акулининым срока Фрунзе ехидно отметил: «Ныне месячный срок, назначенный генералом, истек. Взглянем же, насколько действительность отвечает генеральским предсказаниям.

Рухнула ли Советская власть? Нет, она существует назло врагам трудового народа, и ее существование прочнее, чем когда-либо. Что это так, достаточно вдуматься в следующие слова заклятого врага трудовой России, английского первого министра Ллойд Джорджа, на днях сказанные им в английском парламенте: «По-видимому, надеждам на военный разгром большевиков не суждено сбыться. Наши русские друзья за последнее время потерпели ряд чувствительных неудач…»

Кто же такие русские друзья господина Ллойд Джорджа? Это Деникин, Юденич, Колчак, продавшие английскому капиталу достояние русского народа – русскую руду, лес, нефть и хлеб и за это удостоенные звания «друзей».

Что же случилось с друзьями Ллойд Джорджа, что заставило потерять веру в военный разгром большевиков?

Ответ на это дает картина военного положения на фронтах Советской Республики… двое из трех главнейших врагов трудовой России: Колчак и Юденич уже сведены со сцены… Советская власть, являющаяся властью трудящихся, несокрушима и под сенью ее вслед за оренбуржцами и сибиряками скоро соберется все трудовое казачество, а с ними и вся Россия…

«Всем, кто ушел к красным, нет никакого оправдания и извинения, и в будущем им не будет ни прощения, ни пощады…» Так грозится в своем приказе генерал Акулинин.

Обратите внимание на эти слова, оренбуржцы, запомните их и, затравив царскую лису в ее последнем убежище, покажите – кто у кого будет просить пощады и милости.

«Неужели, – продолжает генерал, – падая к ногам хамов-большевиков, казаки не понимали, что этим отдают на поругание своих матерей, жен, дочерей и сестер. Вопли насилуемых, стоны расстреливаемых, охваченные огнем станицы скоро покажут им, что они помогли делу палачей, висельников, грабителей, разоряющих страну для удовлетворения своей алчности».

Судите сами, товарищи казаки. Вы уже два месяца живете с нами и могли убедиться в «справедливости» этих слов и пророчеств. Нет, не предательница и не лиходейка своей Родины Советская власть. Она работает, насколько может, для блага трудящихся, и не ее вина, если усилия русских и заграничных хищников до сих пор не дают нам возможности к мирному труду, к делу строительства свободной, счастливой, мощной Родины.

А то, что дворянские-генеральские уста называют Советскую власть властью «хамов», это действительно верно. Да, у власти в России ныне стоят те, кого баре презрительно называли «хамами», те, кто работал в поте лица на пашнях, на фабрике и заводе, те, у кого не выхоленные белые ручки, а покрытые мозолями руки рабочего и крестьянина. И, конечно, место трудового казака не в рядах белоручек, а с теми, кто стремится к утверждению господства трудящихся.

Генерал дальше пишет: «Неужели они (казаки) не понимали, что разрушая фронт Южной армии, они дают выход туркестанским большевикам, закупоренным со всех сторон. Неужели не знали, что, разрушив фронт, они дадут возможность большевикам отправлять в Москву и Петроград хлеб, где теперь рабочие пухнут с голоду».

Генерал раскрыл окончательно свои карты. Понятно ли теперь вам, товарищи

казаки, почему царит голод в России? Понятно ли, почему у вас нет ткани для одежды, орудий для работы и нефти, керосина для отопления и освещения? Шайка царских генералов, горящая ненавистью к рабоче-крестьянской власти, к власти «хамской», задалась целью уморить голодом Россию: авось-де тогда одумается мужик и посадит барина на его насиженное место. Да, надо думать, оренбуржцы действительно поняли, где их место, и помогли России проложить дорогу к хлопку. Надо надеяться, что скоро это поймут и остальные казачьи войска, и тогда у нас будет нефть, железо и уголь, а с ними заработает наша промышленность, с ними явится возможность залечить все раны и зажить новою, счастливою жизнью.

В заключение генерал призывает бороться до «последнего испарения Советской России, до полного уничтожения ее Красной армии, до полного торжества правды над неправдой, добра над злом и света над тьмой». Надо признать, что над испарением Советской России, над уничтожением ее Красной армии господа Акулинины, Дутовы, Колчаки и Деникины… трудились и трудятся весьма усердно; но испаряется пока не Советская Россия, а ее враги. Где ныне бродит бывший владыка Оренбургского края генерал Дутов? Где Колчак и Юденич? Где, наконец, и сам генерал Акулинин?

Генералы зовут бороться за правду, свет и добро. Слова хорошие, но надо сказать – за какую правду, за какие свет и добро. За дворянские или мужицкие? За рабочие или купеческие? В этом вся суть. Красная армия тоже борется за победу правды и справедливости, но ее правда есть правда рабочая, правда крестьянская, справедливость есть справедливость трудящихся. О какой правде радеют царские генералы, дворяне и банкиры, догадайтесь сами, казаки.

Узкие властолюбцы и себялюбцы, люди, оторвавшиеся от своего родного народа, предатели его интересов, предатели своей страны, люди, не могущие свыкнуться с мыслью, что русский народ в холопское ярмо загнать больше нельзя, продолжают еще мешать России строить новую жизнь. Но спор их с народом, спор труда с капиталом, историей взвешен и разрешен...

Победит труд и победит навсегда

Илецкая защита.

15-го ноября 1919 г.» [60, с. 181–184].

Это воззвание вполне может считаться примером эффективной пропаганды. Неосведомленный читатель мог поверить всему, что изложено, тем более, что многие доводы трудно оспорить. Однако Акулинин, как мы знаем, царским генералом не был, а оторвавшимся от народа, будучи выходцем из простых казаков, считаться мог не в большей степени, чем его оппонент. Фрунзе успешно использовал здесь патриотическую риторику, которая могла привлечь казаков. При этом он не обмолвился ни словом об идее мировой революции, горячим сторонником которой был, а говорил исключительно о возрождении России и в том числе о борьбе с иностранными союзниками белых. Кроме того, он воспользовался промахами самого Акулинина, допущенными в его приказе (в частности, призыв генерала продолжать голодную блокаду советского центра) и незнанием Акулининым советских реалий осени 1919 г.

По показаниям командира 1-го Оренбургского казачьего артдивизиона 1-й Оренбургской казачьей дивизии войскового старшины Н. Извозчикова, данным в советском плену 1 марта 1920 г., «в виду отсутствия наступления красных со стороны Актюбинска и Илецка и проявлен[ной] ими 18/X-19 г. активности со стороны Темира, дивизия оттянута в район г. Уила» [15, л. 65]. В связи с отсутствием связи со штабами Илецкого и I Оренбургского корпусов, нехваткой боеприпасов, а также слабой разведкой дивизия в октябре 1919 г. действовала без особых успехов.

В итоге 11 ноября 1919 г. уральским командованием I Оренбургский казачий корпус был расформирован, а его части направлены на фронт под Лбищенск. В Уиле из всего корпуса был оставлен лишь Оренбургский дивизион (командир – полковник Исаенко). Один из офицеров дивизиона, И.А. Ширяев, впоследствии вспоминал, что дивизион был оставлен за несколько сотен верст от основных сил Уральской армии без надежды на получение продовольствия

и подкреплений. Жалование никому не платили. Довольствие заключалось в 3/4 фунта мяса и 1 фунте черной не сеяной муки в сутки, чай и сахар не выдавался [62]. 14 ноября Уил был занят красными, а оренбуржцы и казахи отошли на Кызыл-Кугу [5, с. 152].

К наступлению холодов в войсках не имелось зимнего обмундирования. Среди казаков началась эпидемия тифа, и вскоре количество заболевших превысило количество оставшихся в строю. Единственные радостные новости изредка приходили с юга России об успехах войск Деникина, наступавших на Москву.

После расформирования I Оренбургского казачьего корпуса генерал Акулинин, оставшись без должности и, не имея точного представления о положении дел у Деникина, выехал на Северный Кавказ, чтобы привлечь внимание южнорусского командования и руководителей казачьих войск Юга России к урало-оренбургскому фронту.

Недоброжелатели Акулинина говорили о том, что перед отъездом он будто бы даже организовал заговор против уральского командования. Один из мемуаристов писал: «Пришлая публика пыталась всеми силами уйти к Деникину и тем отделиться от казаков. По этому поводу среди пришлых образовался целый союз – заговор о переходе к Деникину. Главой этого союза был генерал Акулинин. Он, как корпусной командир, явился с апломбом, но на него не обратили внимания… у Акулинина образовался из корпуса только дивизион, а остальное все было неблагонадежно или были беженцы с семействами… он поехал к Деникину, где после появилось в прессе освещение положения фронта в Сибири, со слов только что прибывшего оттуда «авторитетного среди казаков генерала Акулинина». Это сообщение я читал в следующем духе.

Будто сам командир корпуса, генерал Акулинин, после неудач южной сибирской армии, бросился вперед с небольшим передовым отрядом на соединение с уральскими казаками. После его отъезда Сибирская армия оправилась, пополнилась, усилилась и повела снова наступление к Ташкентской железной дороге, выслав по приказанию генерала Акулинина вперед его отряд. Этот отряд захватил станцию Джурун, г. Темир, прервал сообщение по Ташкентской дороге, оставил на ней гарнизоны до подхода южной армии, а сам пошел к Гурьеву на соединение с генералом Акулининым. Он нас (речь идет о проэсеровском Волжском конном дивизионе. – А.Г.) присоединил к себе. Акулинин хорошо знал Фортунатова по Уфимскому государственному совещанию, поэтому заставить его замолчать врать было невыгодно. Умалчивая о его вранье, мы, тем самым, становились его союзниками. В Гурьеве ему верили, он опирался на радио противника, доносящее о своей неудаче – не верить было нельзя, так как нечем было объяснить такое политическое сообщение противника. Об этом известно было и в штабе Деникина, почему он там явился авторитетом. Уезжая, он разговорился с Фортунатовым. Финютин (личность не установлена, возможно, один из офицеров Волжского конного дивизиона – А.Г.), понимая, что Акулинин удирает к Деникину и заручается данным[и], необходимыми для поддержания своего авторитета, понял, что не стоит ему мешать врать, а, наоборот, стал просить напомнить там и о нас, чтобы и нам можно было туда перебраться. Акулинин милостиво обещал и с тем уехал. Вот образчик проходимства здешних «авторитетных среди казаков генералов». Таким образом, стали и мы членами заговора об отделении от Уральского правительства» [19, л. 20–20 об.]. Точка зрения эсеров понятна, однако данные о якобы имевшем место заговоре Акулинина звучат неубедительно.

Наилучшим видом помощи генерал считал присылку казачьих частей для совместных действий с уральцами по освобождению Уральска и Оренбурга. Свой план Акулинин держал в тайне, о нем знал лишь войсковой старшина И.Н. Пивоваров (в прошлом – начальник штаба у Акулинина в I Оренбургском казачьем корпусе), находившийся для связи при штабе Уральской армии. Иван Григорьевич через Форт Александровский выехал на Кавказ, но к моменту его приезда войска Деникина оказались в трудном положении и на помощь рассчитывать уже не приходилось. Генерал

Акулинин остался у Деникина и представлял оренбуржцев на Верховном Круге Дона, Кубани и Терека в Екатеринодаре в январе 1920 г. [38, с. 4; 58, с. 99].

Вместе с Акулининым на Кавказ выехала целая группа оренбургских казаков, впоследствии ушедшая с ним по Военно-Грузинской дороге в Грузию. Казаки были интернированы в Поти, а потом перебрались в Крым, к П.Н. Врангелю [3, с. 152; 4, с. 147].

Судьба оставшихся в Восточном Прикаспии оренбуржцев и уральцев была трагичной. В результате падения Гурьева (5 января 1920 г.) под ударами 4-й советской армии Уральская Отдельная армия, куда, как уже говорилось, были включены и оренбургские казаки из состава I Оренбургского казачьего корпуса, оказалась прижатой к замерзшему Каспийскому морю. Во избежание окружения и уничтожения, командующий армией атаман Владимир Сергеевич Толстов повел войска (всего до 15 000 человек) по пустынному восточному берегу Каспийского моря на юг. Вместе с уральцами отходил и оренбургский отряд полковника Чулошникова [7, л. 72].

Оренбургский дивизион, чтобы не потерять связь с Уральской армией, отошел сначала в район Доссорских нефтяных промыслов, а затем в начале января 1920 г. соединился с частями армии возле Жилой Косы – рыбацкого поселка на берегу Каспия. При отходе из района Кызыл-Куги дивизион был неожиданно атакован казахами, которые, видя успехи красных, переметнулись на их сторону, предав казаков. В ход было пущено как раз то оружие, которое казахи получили в Уиле от оренбуржцев. Не зная о предательстве казахского правительства, в Кызыл-Кугу вскоре прибыл командир Илецкого корпуса Уральской армии генерал-лейтенант В.И. Акутин со своим штабом. 27 декабря 1919 г. казахи, которые с середины декабря вели переговоры с красными [25, с. 370; 27, с. 369], на рассвете неожиданно напали на штаб корпуса и захватили его, генерал Акутин попал в плен [32, с. 133]. В Кызыл-Куге было захвачено около 500 офицеров и казаков, 15 пулеметов и орудие. Пленные офицеры были переданы штабу 1-й армии.

Первоначально планировалось переправить войска на Кавказ из Жилой Косы, однако в связи с тем, что море возле поселка замерзло на 30–40 верст, это оказалось невозможным и пришлось отступать дальше, оставив в Жилой Косе много больных и раненых (в том числе оренбургских казаков). Невозможно оказалось и передвижение на санях. Санный путь по морю от Гурьева до Форта Александровского занимал всего два с половиной дня, однако, как писал участник похода Генштаба полковник М.И. Изергин, «к нашему полному неблагополучию переживаемая зима до сих пор по крайней мере была теплой. Тем не менее, мы не теряли надежды на то, что придут рождественские морозы, которые откроют дорогу по льду» [61, с. 67].

Оренбургский дивизион, отступая, прикрывал правый фланг Уральской армии. Во время пребывания в Жилой Косе всем казакам дивизиона было выдано по 30 фунтов муки на месяц [63]. Кстати, с оренбургскими казаками вместе со своими тремя сыновьями, служившими в армии, шел семидесятичетырехлетний старик-участник похода на Хиву в 1873 г., который уже проходил по этим гиблым местам из Красноводска в Оренбург за 47 лет до этого [63].

От Жилой Косы на тысячу верст до самого Форта Александровского почти не было населенных пунктов, что создавало угрозу голода для армии. По этой причине красные и не преследовали казаков. Однако казахи (местное население) нападали на отдельные группы казаков, грабили и убивали их. Дорога шла возле моря с изрезанной многочисленными лиманами береговой линией, что сильно затрудняло движение.

В начале января для этого района характерен сильный ветер с метелью и 40° мороз. Люди начали замерзать. В числе первых замерз командир Оренбургского дивизиона полковник Исаенко. Спасаясь от ветра, казаки прятались под фургонами, грелись возле верблюдов или выкапывали специальные ямы. Подобные нечеловеческие условия ожесточали людей. Например, когда в яме, вырытой для защиты от ветра, замерзал один казак, его тело, еще даже с признаками жизни, тут же выбрасывали, а освободившееся место занимал другой.

Питьевую воду добывали, растапливая в котелках на огне лед, а пищу готовили, бросая в котелки куски теста.

Как вспоминал уральский казачий офицер, войсковой старшина П.А. Фадеев, «по пути мы увидели злополучный лагерь оренбургской сотни. Там было все мертво, все занесено снегом. Кое-где лишь выбивался из-под снега конский хвост, развеваемый ветром или торчали ноги в сапогах. Сколько из них спаслось по чужим кошарам? – неизвестно!» [18, л. 35].

Многие участники событий и историки были склонны обвинять Войскового атамана Уральского казачьего войска и командующего Уральской армией генерала Толстова в том, что он своевременно не решил вопросы снабжения своей армии провиантом и теплой одеждой, в результате чего потери от голода и холода в войсках были велики [8, с. 189; 61, с. 56]. На самом деле эти обвинения в значительной степени необоснованны.

Среди документов начальника гарнизона Форта Александровского, хранящихся в ГА РФ, мне удалось обнаружить записи нескольких радиограмм, посланных из штаба генерала Толстова начальнику гарнизона Форта полковнику Кабанову. Содержание этих радиограмм позволяет частично снять с атамана Толстова вышеуказанные обвинения.

В срочной шифрованной радиограмме полковнику Кабанову № 334 от 26 декабря 1919 г. В.С. Толстов указывал: «Примите самые срочные меры к сформированию обозов верблюжьих с мукой, сеном и высылки разведки в направлении форт – Уил и кружным путем форт [–] прорва, так как этими путями идет много беженцев, особенно илецких, перед расходами не стойте, нельзя дать гибнуть тысячам женщинам и детям. Как только разведчики выяснят направление идущих беженских обозов, немедленно навстречу высылайте транспорты. В[ойсковой] атаман и командарм – ген[ерал]-майор Толстов»[28] [17, л. 14].

Из радиограммы следует, что перед войсками и вместе с ними на Форт Александровский двигались значительные массы беженцев, которые также нуждались в обеспечении продовольствием и одеждой, и что уральское командование предпринимало меры в данном направлении. Полковник Кабанов, в свою очередь, приказал 3 особой казачьей сотне произвести из Форта разведку пути для устройства этапной линии до поселка Заворот в 320 верстах от Форта. «Вам необходимо добыть сведения о состоянии фуража, довольствия сопровождающих Вас казаков, а также сведения возможно ли приобрести ломы, пешни, железные печи и теплую одежду. Относительно разведки Вам надлежит разузнать состояние дорог, колодцев, нахождение аулов и построек, настроение жителей; на Завороте необходимо узнать состояние жилых помещений; складов, количества топлива...», – говорилось в приказе [17, л. 1–1об.].

Как выяснилось, на Завороте имелось 6 бараков (амбаров), 2 деревянных жилых помещения и 2 землянки, в которых жили казахские семьи. Казахи ушли после погромов, совершенных красными матросами весной 1919 г., причем, по данным разведки, «к русским относятся боязливо, ожидая всякого рода насилий» [17, л. 56]. На всем пути от Форта до Заворота не было жилья, кроме случайных кибиток кочевников.

Путь от Форта до Заворота получил название Каспийская военная дорога, начальником которой стал полковник Бородин, с подчинением ему всех этапных пунктов этой линии. Полковник Бородин сразу потребовал организовать на Завороте переотправку беженцев в Форт, поставить кибитки, отделить больных от здоровых и прислать на Заворот врача. На этом требовании полковник Кабанов с некоторой долей раздражения написал: «Где же взять врача, если его нам никто здесь не припас? О кибитках к[оманди]р сотни в разведке добудет сведения и договорится с киргизами, если только они сидят в аулах на пути Форт – Заворот» [17, л. 100].

От Форта на 320 верст до поселка Заворот, по приказу помощника атамана Толстова, отправленному из Гурьева по радио 2 января 1920 г., была организована этапная линия. Через каждые 50 верст возле источников воды было заранее заготовлено по три кибитки с продовольствием и фура-

[28] Сохранена орфография оригинала.

жом и по десять верблюжьих арб. При кибитках должны были находиться два воинских чина и один надежный казах [17, л. 31 об.]. Эта мера значительно облегчила положение армии на последнем этапе похода. И если она не смогла предотвратить потерь от голода, то это было вызвано тем, что командование Уральской армии не могло представить заранее масштабов предстоящей катастрофы, а также не имело достаточно времени и возможностей для более успешной организации снабжения.

В самом Форте имелись значительные запасы продовольствия, сведения о которых известны из отчета о количестве принятых грузов с кораблей в склады города 30 декабря 1919 г. Только с четырех транспортов было тогда выгружено несколько тысяч мешков муки, пшеницы, ячменя; запасы риса, колбасы, масла, макарон, капусты, томатов [17, л. 89].

После двухмесячного похода до Форта дошло не более 3 тысяч человек из 15 (по некоторым подсчетам, до 75 % дошедших было обморожено), остальные погибли в пути от мороза, тифа и голода. Среди дошедших были казаки Оренбургского казачьего дивизиона (42 человека) и бойцы Оренбургской пулеметной команды (24 человека) [58, с. 23].

Для оказания помощи оставшимся в живых предпринимались меры по присылке врачей с Северного Кавказа в Форт Александровский (в итоге прибыл лишь доктор Чанпалов из Минеральных вод). Из Форта Александровского остатки армии предполагалось перевезти на Северный Кавказ, контролировавшийся войсками А.И. Деникина.

Относительно эвакуации начальник гарнизона Форта Александровского сообщал 13 января 1920 г. в порт Петровск на западном берегу Каспия (ныне – Махачкала), что «женщины, дети и старики могут следовать [в] Энзели, все мужчины от 17 до 42 лет должны направляться [в] Петровск. Казаки и Уральское имущество должны безусловно идти [в] Петровск...» [17, л. 73].

Однако в связи с тем, что войска Деникина вынуждены были в конце марта оставить Петровск, на Кавказ удалось переправить только раненых, больных и обмороженных. Казаки Оренбургского дивизиона были в числе эвакуированных, так как большинство из них было обморожено. Они попали во Владикавказ, где оставались, за некоторым исключением, до прихода красных.

Сохранились воспоминания очевидца о прибытии эвакуированных казаков в Петровск: «Большинство доставленных уральцев (среди прибывших были и оренбургские казаки. – А.Г.) было в ужасном состоянии: обмороженные поголовно, многие уже полутрупы, с омертвевшими или же отвалившимися конечностями. Картина, которую мне пришлось видеть при выгрузке этих несчастных, не поддается никакому описанию» [8, с. 189]. Около 1900 человек осталось на восточном берегу Каспия, так как Петровск был 30 марта занят красными. Известия об отступлении Деникина были неожиданной новостью, до этого казаки знали лишь об успехах белых на юге и допускали даже мысль о занятии ими Москвы [63]. Нам неизвестно, оставались ли в Форте оренбургские казаки после окончания эвакуации, но судьба оставшихся уральских казаков была трагична.

Командующий Туркестанским фронтом красных М.В. Фрунзе телеграфировал командованию красной Волжско-Каспийской флотилии: «Форт Александровский занят остатками отдельной Уральской армии Толстова. Туземные племена (имелись в виду казахи. – А.Г.) ведут борьбу, прося поддержки через степного комиссара. Ввиду чрезвычайной трудности подать помощь с сухопутья прошу сообщить, когда и какими средствами сможете оказать помощь» [31, с. 112]. Помимо уничтожения уральцев, красных интересовал захват уральской войсковой казны (около 130 пудов или свыше 2100 кг серебра), находившейся в Форте.

4 апреля возле Форта произошел морской бой между эсминцем «Карл Либкнехт» и истребителем «Зоркий», со стороны красных, и канонерскими лодками «Милютин» и «Опыт» со стороны белых. Силы были неравными. Два 100-мм орудия «Карла Либкнехта» были более дальнобойными по сравнению с тремя 75-мм орудиями, которые имели корабли белых [10,

с. 46]. Соответственно, красный эсминец мог маневрировать и обстреливать корабли белых вне зоны досягаемости их снарядов. В результате двухчасового боя «Милютин» (который получил попадание в корму) и «Опыт», предназначавшиеся для эвакуации казаков из Форта, были вынуждены прекратить бой и уйти в Баку, увезя с собой часть войсковой казны (48 пудов серебра или около 770 кг) [32, с. 140]. На следующий день в Форте был высажен десант с кораблей красной Волжско-Каспийской флотилии. Остававшимся в Форте частям красными был предъявлен ультиматум о капитуляции, в случае принятия которого всем сдавшимся гарантировалось сохранение жизни. Большинство казаков, обессилевших в результате тяжелейшего похода, приняло ультиматум.

Красным сдались 2 генерала, 70 офицеров и 1088 нижних чинов. Была захвачена и значительная часть войсковой казны (80 пудов серебра или около 1300 кг) [27, с. 370]. 214 казаков и гражданских лиц во главе с атаманом В.С. Толстовым накануне сумели вырваться из Форта и уйти на юг – к границам Ирана[29]. Сдавшиеся в плен под большевистские гарантии генералы Г.К. Бородин и С.Е. Толстов – отец атамана, – были вскоре расстреляны, сведения о судьбе остальных сдавшихся пока неизвестны [32, с. 140].

Очевидец писал: «Как ты пустынна и голодна, степь! Сколько ты поела молодых жизней! Из тысячей, вошедших в твою пасть, вышли только десятки. Эти лучшие люди, столько боровшиеся за вековую славу своего Войска, участники многих великих боев, принесли свои головы сюда для того, чтобы закопать их под твоими снегами и не видеть опозоренной родины. Да поможет вам вечный покой и вечная слава, рыцари!» [63].

В своей книге Акулинин писал, что при эвакуации Северного Кавказа отдельные группы уральских и оренбургских казаков попали в Грузию, откуда небольшая часть оренбуржцев во главе с ним переехала в Крым к Врангелю, где и оставалась до эвакуации в ноябре 1920 г. [3, с. 152]. Акулинин в июне 1920 г. устроился на службу в отдел генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего [11, с. 10; 21, л. 50]. Начальником штаба армии Врангеля был старый боевой товарищ Акулинина еще по японской войне генерал П.Н. Шатилов. Не исключено, что именно протекция последнего помогла Акулинину при устройстве на службу.

10 октября (27 сентября) 1920 г. Акулинин совместно со своим однокашником по академии генералом Н.П. Калининым должен был быть командирован в Польшу [44, л. 446]. Цель командировки неизвестна, но нетрудно предположить, что Акулинину было поручено принять участие в организации 3-й Русской армии, в составе которой формировались казачьи части, в том числе Оренбургский казачий полк. Однако Акулинин никуда не поехал. Уже 7 октября ему была предложена должность штатного преподавателя военных наук Атаманского военного училища, и 13 октября кандидат дал свое согласие на это назначение [44, л. 494, 505].

Все оренбургские казаки приказом главнокомандующего Русской армией № 174 от 20 сентября (3 октября) 1920 г. были зачислены во 2-й Астраханский казачий полк[30]. За короткий срок своего нахождения в Крыму генерал Акулинин сумел подготовить к печати первоначальный вариант своего очерка об оренбуржцах. Материал был сдан в октябре 1920 г. в севастопольскую типографию и достался большевикам [3, с. 22].

[29] Российской миссией в Персии было зарегистрировано 134 человека, пришедшие с Толстовым в мае 1920 г. (ГА РФ. Ф. Р.-4738. Оп. 2. Д. 226. Л. 1–5; публикацию документа см.: Уральские казаки в Персии / Публ. А.В. Ганина // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 127–132). Впрочем, этот список не учитывает группы, отделившиеся от отряда Толстова – отряды генерал-майора В.И. Моторного (34 офицера), полковника Т.И. Сладкова (13 человек), капитана Решетникова (17 человек) и полковника Еремина. Отряд Моторного был захвачен красными (подробнее см.: Орлов Н.В. Поход уральцев и его герои. По воспоминаниям одного из них // Луч Азии (Харбин). 1940. № 66–2. С. 6–7; а также [32; 58].

[30] Сведения любезно предоставлены канд. ист. наук О.О. Антроповым (Москва).

Акулинин эвакуировался из Крыма на французском пароходе «Сегед» в ноябре 1920 г. вместе с другими офицерами отдела генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего Русской армией, в котором он служил с июня 1920 г. «Сегед» являлся угольщиком, не приспособленным для перевозки людей, однако, несмотря на это, на корабль удалось погрузить 2475 беженцев.

Даже для здоровых людей эвакуация прошла очень тяжело, прежде всего, из-за тесноты, большой скученности, паразитов и отсутствия света. А когда корабль 29 ноября 1920 г. прибыл в порт Дубровник Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), на его борту уже имелось шестеро больных инфекционными заболеваниями. Сербские власти потребовали выдержать пароход в карантине 21 день, но такое требование могло привести к настоящей эпидемии на судне, поэтому все же решено было отменить карантин и высадить беженцев на берег. К утру 6 декабря высадка была окончена.

На этом Гражданская война для Акулинина завершилась. Путь его в ней оказался необычным. Генералу довелось участвовать в событиях войны на трех антибольшевистских фронтах – оренбургском, уральском, а также на Юге России. Причем на первых двух он играл руководящую роль. Отправившись на Юг России, Акулинин избежал тяжелой участи ветеранов армии Дутова, прошедших трагический Голодный поход при отступлении в Семиречье, унылое пребывание в лагерях на территории Западного Китая и дальнейший исход под ударами вошедших на китайскую территорию частей красных в Монголию. В этом смысле начало беженского существования Акулинина было достаточно благополучным. Более того, как единственный в Европе генерал-оренбуржец, он приобрел неплохие стартовые позиции для занятия видного положения в общественной жизни казачьей эмиграции. Как и большинство участников Белого движения, Акулинин на протяжении многих лет мечтал о возвращении на родину и о реванше за поражение в Гражданской войне.

Статья поступила 01.06.2015 г.

Библиографический список

1. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Управление и воинская повинность оренбургского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. Челябинск, 1997.
2. Айрапетов О.Р. Русская армия на сопках Маньчжурии // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 64–82.
3. Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937.
4. Акулинин И.Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Кн. 2. Берлин, 1927.
5. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994.
6. Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University, HIA). Denisov collection. Box 3. Folder 11.
7. Архив Дома Русского Зарубежья. Ф. 1. А-121. Л. 72.
8. Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. Т. 9. Берлин, 1923.
9. Блюм Н.Я. Кавалерийский бой под поселком Бегалинским // Сборник воспоминаний непосредственных участников Гражданской войны 1918–1922. Кн. 2. М., 1932. С. 145–149.
10. Варнек П.А. К вопросу об эвакуации уральских казаков из Форта Александровск // Военная быль (Париж). 1966. № 79.
11. Волков С.В. Белое движение: Энциклопедия гражданской войны. М.; СПб., 2003.
12. Воробьев В.Ф. Оборона Оренбурга (апрель – май 1919 г.). М., 1938.
13. Гоппер К.[Я.] Четыре катастрофы: воспоминания. Рига, 192.
14. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 23.
15. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 199. Оп. 3. Д. 380.
16. Государственный архив Российской федерации (ГА РФ). Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 104.
17. ГА РФ. Ф. Р-4131. Оп.1. Д. 5.
18. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 696.
19. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 804.

20. ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70.
21. ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 52.
22. ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7.
23. Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919 гг.). Док. и мат. Оренбург, 1957.
24. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987.
25. Движение Алаш. Сб. док. и мат. Т. 2. Алматы, 2005.
26. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 2. Сентябрь 1919 г. – декабрь 1920 г. Алма-Ата, 1964.
27. История гражданской войны в СССР. М., 1959. Т. 4.
28. Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002.
29. Ленин В.И. Военная переписка 1917–1922 гг. М., 1987.
30. Лисовский Н.К. Разгром дутовщины. М., 1964.
31. Маковский А., Радченко Б. Каспийская краснознаменная. М., 1961.
32. Масянов Л.[Л.] Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963.
33. Машин М.Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984.
34. N. У генерала И.Г. Акулинина // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 132. 12.07. С. 2.
35. Огородников Ф.[Е.] Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938.
36. Оренбургский казачий вестник. 1917.
37. Оренбургский казачий вестник. 1918.
38. Протоколы заседаний Верховного Круга Дона, Кубани и Терека с 4-го по 30-е января 1920 года. № 1–17. Екатеринодар, 1920.
39. Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919.
40. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1357.
41. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп. 4. Д. 582.
42. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1117.
43. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124.
44. РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125.
45. РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1.
46. РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1.
47. РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 7.
48. РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 2.
49. РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 5.
50. РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 7.
51. РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 18.
52. РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24.
53. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 26.
54. РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 5б.
55. РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17.
56. РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 4.
57. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1788.
58. Толстов В.С. От красных лап в неизвестную даль (поход уральцев). Константинополь, 1922.
59. Фролов Н.С. На стыке Европы и Азии // За Советский Туркестан. Ташкент, 1963.
60. Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое: публицистика, мемуары, документы, письма. М., 1991.
61. Челышев Е.П. Уральская катастрофа. М., 1996.
62. Ширяев И.[А.] До Александровского форта. Воспоминания казака-оренбургца // Казачьи Думы (София). 1923. 15.11. № 13. С. 3–4.
63. Ширяев И.[А.] Указ. соч. // Казачьи Думы. 1923. 30.11. № 14. С. 4.
64. Эрвэ. Генерал И.Г. Акулинин // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 103. 05.06. С. 2.

Сведения об авторе

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор журнала «Родина» (Москва), 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, тел.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Ganin Andrei Vladislavovich, Doctor Hab., Senior Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Editor of the journal “Rodina”, Moscow, 119991, Russia, Moscow, Leninskii prospect, 32-A, tel.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru